

Алек Д. Эпштейн и Станислав Кожеуров

РОССИЯ И ИЗРАИЛЬ: трудный путь навстречу

**Алек Д. Эпштейн
Станислав Кожеуров
Россия и Израиль: трудный путь навстречу**

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5977193

Алек Д. Эпштейн и Станислав Кожеуров Россия и Израиль: трудный путь навстречу: Мосты

культуры; Москва; 2011

ISBN 978-5-93273-315-2

Оригинал: Alek D.Epstein, "Russia and Israel: A Difficult Journey"

Аннотация

Израиль – единственная страна мира, с которой Советский Союз дважды за несколько десятилетий разрывал дипломатические отношения, восстановленные лишь в 1991 году. Однако, несмотря на некоторые сложности, в самые последние годы российско-израильские отношения отличаются существенным сближением, как в политической, так и в гуманитарной сферах. Израильское руководство полностью поддержало российских коллег в важных для них идеологических вопросах, касающихся формирования исторической памяти, а также передало России контроль над Сергиевским подворьем в центре Иерусалима. Ни одна из стран Запада не делала в последние годы подобных жестов по отношению к России, и это предопределило существенное улучшение двусторонних отношений, выразившееся, в частности, и в отмене визового режима и резком увеличении туристического потока между государствами.

Предлагаемая вниманию читателей книга – первая, в которой на основе огромного количества российских и израильских источников подводится «предварительный итог» двадцати годам отношений между странами в постсоветскую эпоху.

Содержание

Предисловие президента Института Ближнего Востока	6
Предисловие руководителя израильского отделения Центра содействия гуманитарному развитию общества «Право Мира»	7
Введение	8
Глава 1	10
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алек Д. Эпштейн и Станислав Кожеуров

Россия и Израиль:

трудный путь навстречу

Книга публикуется в авторской редакции и не обязательно отражает позицию Института Ближнего Востока, Центра содействия гуманитарному развитию общества «Право Мира» или издательства

© Институт Ближнего Востока, 2011

© Центр содействия гуманитарному развитию общества «Право Мира», 2011

© Алек Д. Эпштейн и Станислав Кожеуров, 2011

Израиль – единственная страна мира, с которой Советский Союз дважды за несколько десятилетий разрывал дипломатические отношения, восстановленные лишь в 1991 году. Однако, несмотря на некоторые сложности, в самые последние годы российско-израильские отношения отличаются существенным сближением, как в политической, так и в гуманитарной сферах. Прорывным в этом отношении был визит в Израиль В.В. Путина, состоявшийся в 2005 году, – первый и пока единственный официальный визит действующего высшего руководителя России за все годы существования еврейского государства. Ухудшение в отношениях как России, так и Израиля со многими другими странами в связи с, как считается, чрезмерно жесткой политикой в отношении Чечни и Грузии, с одной стороны, и палестинцев Западного берега и Газы, – с другой, а также интеграция значительного числа русскоязычных политиков в высшие эшелоны власти еврейского государства способствовали сближению двух стран. Израильское руководство полностью поддержало российских коллег в важных для них идеологических вопросах, касающихся формирования исторической памяти о решающей роли Красной армии в победе над нацизмом и недопустимости использования понятия «этнический геноцид» прежним руководством Украины применительно к голоду в СССР в начале 1930-х годов, а также передало России контроль над Сергиевским подворьем в центре Иерусалима. Ни одна из стран Запада не делала в последние годы подобных жестов по отношению к России, и это предопределило существенное улучшение двусторонних отношений, выразившееся, в частности, и в отмене визового режима и резком увеличении туристического потока между государствами. При этом продолжающееся военно-техническое сотрудничество России с Сирией и Ираном остается фактором, с которым Израиль не может и не считает нужным мириться. При этом особенности политической культуры Израиля, позволившие, в частности, профсоюзам сорвать назначенный на середину января 2011 года визит президента Д.А. Медведева, также порой оказывают деструктивное влияние на динамику двусторонних отношений.

«Израиль для нас не какой-то обычный партнер, а государство, с которым нас связывают и многолетние отношения, и особая природа, структура и состав населения».

Из выступления президента России Д.А. Медведева на встрече с премьер-министром Израиля Б. Нетаньяху, 15 февраля 2010 г.

«Для нас, конечно, небезразлично, как обстоят дела в Израиле – государстве, где живет значительное число наших бывших

соотечественников. И от такого ключевого игрока на Ближнем Востоке, как Израиль, конечно, очень многое зависит».

Из выступления президента России Д.А. Медведева на встрече с главой МИДа Израиля А. Либерманом, 2 июня 2009 г.

«Израиль для нас – один из приоритетных партнеров на Ближнем Востоке как минимум. Да и вообще, у нас сложились хорошие отношения за последние десятилетия. И мы ими дорожим, намерены развивать их и в будущем».

Из выступления председателя правительства России В.В. Путина на встрече с главой МИДа Израиля А. Либерманом, 4 декабря 2009 г.

«Что касается России, то у нас к ней особое отношение. Мы никогда не забудем тот вклад, который Россия внесла в победу над фашизмом. Думаю, что если бы не участие России, то вряд ли мир смог бы победить эту угрозу. И мы помним ту ужасную цену, которую пришлось заплатить за победу русскому народу. Я говорю здесь также от имени народа, который, пожалуй, единственный может это понять, поскольку наши народы за время той войны потеряли примерно одинаковую долю людей. И отношение Израиля к России еще основано на той исторической памяти, которую мы имеем к подвигу Советского Союза.

Мы видим в России великую державу, которая действительно может оказать помощь всему миру, с тем чтобы избавиться от голода, от войн, от бедности, от других угроз. И роль России особенно возрастает и усиливается в свете того, что мир становится более глобальным. Россия играет важную роль в процессе установления мира на Ближнем Востоке».

Из выступления президента Израиля Ш. Переса на встрече с президентом России Д.А. Медведевым, 18 августа 2009 г.

«Мы видим в России одного из ближайших друзей Израиля. Одна из причин нашего успеха в последнее десятилетие – это наличие такого «живого моста» из того миллиона русскоязычных граждан Израиля, которые связывают Израиль и Россию и «заразили» нас всех этим отношением к России. И до этого конечно же существовали корни – и культурные, и национальные – и были базой для связей между Израилем и Россией, включая и мою семью. Связи, конечно, исторические, имеют традицию, и, если мы в будущем году будем отмечать двадцать лет восстановления дипломатических отношений, я могу лично оценить, как все изменилось с тех пор, когда я еще был послом в ООН, и насколько продвинулись наши отношения с Россией».

Из выступления главы правительства Израиля Б. Нетаньяху на встрече с председателем правительства России В.В. Путиным, 16 февраля 2010 г.

Предисловие президента Института Ближнего Востока

Предлагаемая вниманию читателя монография, совместный труд известного израильского ученого А.Д. Эпштейна и российского исследователя С.А. Кожеурова, – первый труд, суммирующий итоги развития и современное состояние российско-израильских отношений. Сама эта работа является результатом сотрудничества российских и израильских академических структур, у истоков которого стоял в числе прочих представителей израильского научного сообщества д-р Эпштейн, ставший одним из основоположников современного израилюведения в России.

Два десятилетия, истекшие со дня восстановления дипломатических отношений между нашими странами, были насыщены судьбоносными событиями для Москвы и Иерусалима. Большая русская иммиграция – *алия*, войны с экстремистскими террористическими движениями, сложные отношения с США и Западной Европой объединили Россию и Израиль. Присутствие в правительстве и парламенте Израиля русскоязычных министров и депутатов, работа израильтян в руководстве ведущих отечественных корпораций, установление личных контактов между руководством наших стран, связавший их безвизовый режим – всё это заложило прочную базу взаимовыгодных отношений. Разрушить их не смогли ни внешнее лоббирование, ни бюрократические казусы, ни сохраняющиеся у части израильтян и россиян пережитки «холодной войны».

Настоящее издание планировалось к выпуску в преддверие несостоявшегося в январе 2011 года визита в Израиль Президента РФ Дмитрия Медведева и выйдет в свет к моменту, когда новая дата этого визита будет согласована и объявлена. Как показал пример сорвавшей этот визит забастовки сотрудников израильского МИДа, отношения двух стран достаточно прочны, чтобы без особого ущерба пережить «загогулины» израильской «профсоюзной дипломатии». В конечном счете, помимо Голды Меир и Аббы Эбана, Арье Левина и Авигодора Либермана, имена которых останутся предметом гордости дипломатического Иерусалима, история запечатлеет и память о профессиональной несостоятельности и предательстве национальных интересов покрывших свою страну позором из корыстных побуждений Пинхаса Авиви, Якова Ливне и их соратников.

На наших глазах ослабевают и рушатся арабские режимы, на протяжении десятилетий бывшие гарантом безопасности на границах Израиля, Иран продвигается к атомной бомбе, а Турция, Европа и Соединенные Штаты дистанцируются от Иерусалима и склоняются на сторону его противников. В этот период отношения с Россией для окруженной врагами маленькой ближневосточной страны, немалая часть политической и интеллектуальной элиты которой является «пятой колонной», приобретают особую важность. Они развиваются столь динамично, что многое, в т. ч. в сфере деятельности межправительственной комиссии, ВТС и инновационных проектов, ведущими из которых с российской стороны являются «Роснанотех» и «Сколково», не вошло в настоящий труд. Что в полной мере характеризует стремительность сближения Израиля и России.

*Евгений Сатановский,
президент Института Ближнего Востока*

Предисловие руководителя израильского отделения Центра содействия гуманитарному развитию общества «Право Мира»

Восстановление дипломатических отношений между Российской Федерацией и Государством Израиль два десятилетия назад стало, с одной стороны, итогом многолетних закулисных усилий представителей двух стран, а с другой – лишь начальной точкой того большого пути, который обеим странам предстояло пройти на пути нормализации, укрепления взаимного доверия и создания как атмосферы, так и институциональных рамок, способствующих конструктивному и взаимовыгодному двустороннему сотрудничеству. Как показывают авторы книги – первой на сегодняшний день о современном состоянии российско-израильских отношений, – путь этот к настоящему времени во многом пройден, и хотя обоим государствам еще, к сожалению, далеко до мирного урегулирования всех конфликтов со своими соседями и с действующими на их территориях незаконными вооруженными формированиями, в двусторонних отношениях право мира очевидно доминирует, и это не может не радовать, рассматривая сложное наследие, оставшееся с советского периода. На смену разорванным на протяжении почти четверти века дипломатическим отношениям, отсутствию какой-либо политико-правовой, экономической и социально-культурной кооперации пришли многочисленные межгосударственные соглашения, заложившие базу и открывшие дорогу сотрудничеству в сферах экономики и торговли, культуры и туризма, борьбы с терроризмом и противодействия историческому ревизионизму... Открыв новую главу в двусторонних отношениях, основанную на принципах права мира, Российская Федерация и Государство Израиль показали всему миру пример конструктивного преодоления конфликтного наследия, отчетливо продемонстрировав, что практически любые споры между государствами, даже длившиеся четверть века, могут быть урегулированы мирным путем, без применения силы или угроз, на основе принципов мирного сосуществования, признавая территориальную целостность друг друга и право граждан на жизнь в мире и безопасности. Этот опыт, накопленный Россией и Израилем, ставших сегодня во многих сферах близкими союзниками (и об этом подробно говорится в предлагаемой вниманию читателей книге), очень полезен как позитивный пример, в частности для пробуксовывающих и так и не урегулированных отношений России и Японии, с одной стороны, и Израиля и Саудовской Аравии, с другой – вполне интегрированные в международные политико-правовые процессы государственные элиты этих стран до сих пор не нашли политической воли для налаживания цивилизованной системы отношений, основанной не на взаимных упреках и угрозах, а на праве мира. Именно поэтому я уверен, что книга о том, как складывались и развивались отношения между Россией и Израилем, может быть интересной и полезной специалистам и заинтересованным читателям в обеих странах.

*Евгений Задворянский,
руководитель израильского отделения
Центра содействия гуманитарному развитию общества «Право Мира»*

Введение

Российско-израильские отношения прошли непростой путь с момента возобновления в конце 1991 года работы посольств, после практически четверти века отсутствия каких-либо официальных связей между двумя странами. В течение очень долгого времени между Москвой и Иерусалимом существовало множество неразрешенных проблем (от вопроса о праве на эмиграцию евреев из СССР до поставок советского оружия режимам, находившихся с Израилем в состоянии войны), вследствие чего двусторонние отношения и в 1990-е – первой половине 2000-х годов оставались достаточно напряженными.

Однако в последние три-четыре года ситуация принципиальным образом изменилась в лучшую сторону. Представляется, что основная причина существенного улучшения двусторонних отношений лежит за пределами этих отношений как таковых. Существенное изменение внешнеполитического курса Белого дома на Ближнем Востоке после прихода к власти президента Барака Обамы отчетливо продемонстрировало проблематичность исключительно проамериканской ориентации Израиля, новое руководство которого стало стремиться к разнонаправленной многовекторности своей ориентации. Учитывая, что среди лиц, принимающих ключевые решения в области внешней политики, международного туризма и связей с диаспорами, впервые в Израиле оказалось значительное число людей, для которых родным языком является русский, Россия почти естественным образом стала одним из основных маяков притяжения их интереса. С другой стороны, война с Грузией в августе 2008 года привела к существенному ухудшению внешнеполитического положения Российской Федерации, которую в этом конфликте не поддержал практически никто, ни на Востоке, ни на Западе. Стало непонятно, есть ли вообще у России союзники, кроме Венесуэлы и Никарагуа, которые вслед за Россией только и признали независимость поддерживаемых ею Абхазии и Южной Осетии. Неоднократные «газовые войны» с Украиной и Белоруссией продемонстрировали, что и с ближайшими славянскими государствами отношения России никак не назовешь безоблачными. В этих условиях любая страна, лидеры которой готовы поддерживать руководство России в важных для него проектах, становится чрезвычайно значимой, и Израиль, несмотря на все острейшие проблемы не такого далекого прошлого, во многом стал именно такой страной.

В последние годы Израиль «подыграл» России на самых разных направлениях, от передачи ей прав собственности на Сергиевское подворье в Иерусалиме (переговоры об этом велись почти двадцать лет) и отмены визового режима для ее граждан до идеологической поддержки в двух самых важных для В.В. Путина и Д.А. Медведева историко-политических вопросах: первый касается признания непреходящего значения центральной роли Советской армии в победе над нацизмом, второй – невозможности охарактеризовать голод на Украине в начале 1930-х годов как этнический геноцид или тем более Холокост украинского народа. В этих вопросах у российского властного «тандема» парадоксальным образом не оказалось сторонников более последовательных, чем руководители Государства Израиль. Кроме того, в отличие от политических лидеров западного мира, не устающего попрекать руководство России нарушениями прав человека на Северном Кавказе, израильские представители, сами страдающие от аналогичных упреков касательно курса в отношении палестинцев, последовательно выражают понимание тех сложностей, перед которыми стоит Россия в своей борьбе с «международным терроризмом». Взаимное сближение Российской Федерации и Государства Израиль в значительной мере стало следствием растущей изоляции каждой из этих двух стран в системе международных отношений, но это сближение очевидным образом служит интересам не только правящих элит, но и народов двух стран, хотя тот факт, что профсоюз дипломатических работников смог сорвать назначенный на середину января 2011 года визит

президента Д.А. Медведева, показывает, что путь к надежной стабильности двусторонних отношений еще до конца не пройден.

Глава 1

История и историография российско-израильских отношений¹

Изучение российско-израильских отношений (в том числе и в советский период) имеет едва ли не более длинную историю, чем сами эти отношения. Перед нами достаточно редкий в политологии случай, когда историография событий имеет куда более длинную хронологию, чем сами описываемые события, ибо дипломатические отношения между СССР и Израилем разрывались дважды (в сумме – на без малого четверть века), в то время как изучение Израиля в СССР, равно как и изучение Советского Союза/России в Израиле не прекращалось ни на один год.

В 1990–2000-е годы количество опубликованных работ по истории отношений между СССР/Россией и Израилем выросло в разы, что связано как с общим резким увеличением количества научных публикаций в последние десятилетия, так и изменением политического климата в двусторонних отношениях. Возникла насущная потребность проанализировать богатейший опыт двусторонних связей, что и стали делать российские и израильские (а также некоторые американские) исследователи. В России уже были защищены несколько кандидатских диссертаций как по истории политики СССР/России на Ближнем Востоке в целом, так и конкретно на израильском «направлении».

Доступ в архивы открыл возможность опубликовать весьма объемные сборники документов по истории отношений СССР и Израиля, которые еще долго будут служить для востоковедов и историков-международников основной источниковой базой по истории отношений между двумя странами. Проблема, однако, состоит в том, что пока документы позволяют заглянуть лишь в эти отношения в первые годы израильской государственности. Через призму опубликованных архивных документов можно проанализировать только первые два десятилетия отношений между Советским Союзом и Израилем до их разрыва в 1967 году, причем если период до 1953 года отражен с должной полнотой в двухтомном издании, вышедшем в 2000 году², то события 1953–1967 годов отражены в опубликованных сборниках документов (прежде всего в двухтомнике «Ближневосточный конфликт»)³ лишь частично. Изначально предполагалось, что первый двухтомник станет началом широкомасштабного издательского проекта, однако, хотя с момента его появления прошло уже десять лет, какой-либо двусторонний договор о рассекречивании и опубликовании документов последующего времени так и не был подписан, из-за чего работа фактически прекращена. Несмотря на то что от событий 1950–1960-х годов нас отделяет сорок лет и более, многие документы, касающиеся выработки и реализации советской политики по отношению к Государству Израиль, остаются засекреченными до сих пор.

Официальные документы, касающиеся публичной советской политики по отношению к Израилю и Ближнему Востоку в целом в годы, когда дипломатические отношения между

¹ Отдельные фрагменты данной главы были написаны совместно с Р.Р. Сулеймановым (Казанский государственный университет), которому мы выражаем искреннюю благодарность.

² См.: «Советско-израильские отношения». Сборник документов в 2 книгах (Москва: «Международные отношения», 2000).

³ См.: «Ближневосточный конфликт» (Из документов Архива внешней политики Российской Федерации), отв. ред. – В.В. Наумкин. Том первый, 1948–1956; том второй, 1957–1967 (Москва: международный фонд «Демократия», 2003). См. также вышедший на английском языке сборник Yaacov Ro'i, «From Encroachment to Involvement: A Documentary Study of Soviet Policy in the Middle East, 1945–1973» (New York and Jerusalem: John Wiley and Israel Universities Press, 1974), включавший преимущественно открытые документы из советской печати.

двумя государствами были разорваны, были опубликованы МИДом СССР в 1989 году⁴. Однако в распоряжении исследователей до сих пор нет документов о том, кем, как и по каким причинам реально принимались ключевые решения. Некоторые документы, касавшиеся политики советских властей относительно еврейской эмиграции из страны, были опубликованы в сборнике, подготовленном Борисом Морозовым⁵, однако и в нем нет ни одного свидетельства о согласии на выезд десятков тысяч человек ежегодно. Максимальная квота, фигурирующая в наиболее релевантном документе по этому вопросу – записке Ю.В. Андропова и А.А. Громыко в ЦК КПСС от 10 июня 1968 года – 1500 человек⁶, – была превышена в 1979 году вдвое, в 1971 году – в девять, а в 1972 году – более чем в двадцать раз (в 1972 году из СССР по «еврейской линии» выехали 31 681 человек, в 1973-м г. – 34 733 человека). Возвращалось ли высшее руководство СССР к этой теме, были ли определены какие-то новые предельные цифры числа эмигрантов, либо же ситуация развивалась преимущественно стихийно, под давлением стремившихся покинуть СССР еврейских активистов – недвусмысленного ответа на этот вопрос дать пока, к сожалению, невозможно. Как нет в распоряжении историков и какого-либо документа, из которого бы вытекало решение советского руководства приостановить выдачу выездных документов евреям, что фактически свернуло эмиграцию в начале 1980-х годов. Хотя красной нитью через всю историю отношений Израиля и СССР/России проходит тема иммиграции советских/российских евреев на «историческую родину», едва ли не центральная роль Вашингтона в этом вопросе российскими исследователями практически не рассмотрена. Вместе с тем именно американские власти на протяжении многих лет «холодной войны» использовали эти проблемы как важнейший фактор в их давлении на руководство Советского Союза⁷.

В обзорно-мемуарных книгах А.Е. Бовина и Е.М. Примакова говорится о тайных дипломатических контактах между советскими и израильскими представителями (в частности, оба автора признаются, что в 1970-е годы побывали в Израиле, Е.М. Примаков подробно рассказывает о своих встречах с высшими руководителями еврейского государства⁸), причем говорится о том, что конфиденциальный канал связи между государствами продолжал существовать до декабря 1991 года, т. е. непосредственно до восстановления официальных отношений. При этом опубликованы лишь отдельные документы конца 1980-х годов, касающиеся дискуссий в советском руководстве относительно возможностей восстановления двусторонних отношений⁹. Весь же пласт документов, касающихся тайной дипломатии 1970 – 1980-х годов, до сих пор скрыт от исследователей. О том, что происходило в 1990 – 2000-е годы, мы можем судить только по официальным коммюнике, однако дежурные протоколы и стереотипные заявления для прессы являются лишь вершиной айсберга отношений между Россией и Израилем, что, конечно, не позволяет понять всю специфику существующих контактов. В настоящее время немало аналитических статей и обзоров публикуется «по горячим следам», да и мало какая информация может на самом деле быть сохранена в тайне, если

⁴ См.: «СССР и ближневосточное урегулирование. Документы и материалы» (Москва: МИД СССР – Издательство политической литературы, 1989).

⁵ См.: «Еврейская эмиграция в свете новых документов», под ред. Б. Морозова (Тель-Авив: издательство «Иврус», 1998).

⁶ См. там же, стр. 62.

⁷ См. на эту тему выпущенную в США книгу израильского профессора Ф. Лазина: Fred Lazin, «*The Struggle for Soviet Jewry in American Politics*» (Lanham: Lexington Books, 2005).

⁸ См.: Александр Бовин, «5 лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства» (Москва: Захаров, 2000), стр. 49–52; Евгений Примаков, «Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами» (Москва: «Российская газета», 2006), стр. 268–276 и 287–298.

⁹ См.: «Нами проводится линия на постепенное и дозированное развитие контактов с Израилем...» (К 15-летию полного восстановления дипломатических отношений с Израилем), предисловие и публикация А.Е. Локшина // «Лехаим», № 10 (2006), стр. 21–26.

хотя бы одна из вовлеченных сторон заинтересована сделать ее достоянием гласности. И все же нельзя не отметить, что имеющаяся в распоряжении исследователей документальная база совершенно недостаточна для глубокого, всестороннего анализа. Остается надеяться, что архивы обоих государств откроются в максимально ближайшем будущем, чтобы дать понять исследователям, каких проблем касались две страны, когда переговоры и контакты велись за закрытыми дверями.

Мемуарные источники по истории дипломатических отношений Москвы и Иерусалима представлены исключительно воспоминаниями советских и израильских посольских работников¹⁰; к сожалению, на русский язык не переведена крайне познавательная мемуарная книга Мордехая Намира, сменившего Голду Меир на посту посланника в СССР¹¹. Опубликованы также мемуары советских офицеров и солдат, воевавших в Египте против Израиля в ходе Шестидневной войны и Войны на истощение (в 1967–1970 гг.)¹². Однако мемуары, дневники, воспоминания послов (и тем более – военных) отражают понимание событий лицами, которые были лишь исполнителями чужой воли, так как, за редчайшими исключениями, не посольские работники и не офицеры среднего и низшего звена принимают решения по поводу того или иного курса внешней политики своей страны в данном регионе – они лишь «винтики» бюрократической машины государства, где последнее слово – за правящей элитой (будь то президентом, главой правительства, Генеральным секретарем правящей партии или каким-либо другим высокопоставленным должностным лицом). Именно правящая верхушка принимает решение устанавливать или разрывать дипломатические отношения, углублять или замораживать их, поддерживать материально (а порой и оружием) те или иные силы внутри страны, проводить пропаганду против существующего режима, вербовать своих агентов и т. д. Как уже отмечалось, для нас остается загадкой, кто именно был инициатором разрыва дипломатических отношений с Израилем в 1953 и 1967 годах. Лично Сталин и лично Брежнев? Но их мемуаров или дневников, позволяющих ответить на этот вопрос, в нашем распоряжении нет. А может быть, оба советских руководителя находились в этом вопросе под влиянием кого-нибудь из своего ближнего окружения? И если это так, кто именно был тем, кто настаивал на разрыве отношений с еврейским государством? Были ли эти решения спонтанными реакциями на отдельные события (в феврале 1953 года – на взрыв на территории советской дипломатической миссии в Тель-Авиве, в июне 1967 года – на израильскую военную операцию против Сирии на Голанах), или же они были тщательно и заранее продуманы, а данные события стали только поводом для реализации решений, которые так или иначе были бы реализованы в любом случае? К сожалению, ни в первом, ни во втором случае мы не можем дать удовлетворительный ответ на этот вопрос. Хотя изданы мемуары Н.С. Хрущева, Д.Т. Шепилова, М.С. Горбачева и ряда других обитателей советского политического олимпа, пока нет работ, посвященных проблеме отношения к Израилю руководства СССР (как и современной России) на основе их личных документов.

Нет и таких же работ об отношении израильских руководителей к СССР. Отдельные издания воспоминаний Хаима Вейцмана, Шимона Переса, Менахема Бегина и Биньямина Нетаньяху, выпущенные и в переводе на русский язык, не позволяют нам составить комплексное представление об их отношении к Советскому Союзу. Хотя выходцы из Россий-

¹⁰ См.: Голда Меир, «Посланник в Москве» // *«Моя жизнь»*, пер. с иврита Р. Зерновой (Иерусалим: «Библиотека Алия», 1993), стр. 273–313 [издание на иврите было опубликовано в 1976 г.]; Михаил Попов, *«Тридцать семь лет на Ближнем Востоке. Записки дипломата»* (Москва: МГИМО, 2002), стр. 9–69; Дмитрий Чувакин, «Записки советского посла в Израиле. 1964–1967» // *«Новая и новейшая история»*, № 5 (1996).

¹¹ См.: Мордехай Намир, *«Миссия в Москве»* (Тель-Авив: «Ам овед», 1971 [на иврите]).

¹² См.: *«Тогда в Египте... Книга о помощи СССР Египту в военном противостоянии с Израилем»* (Москва: Институт стран Азии и Африки – Совет ветеранов боевых действий в Египте, 2001); Г.Б. Харитонов, главы из книги «Служил Советскому Союзу» (К 40-летию Шестидневной войны в Египте) // *«Военно-исторический архив»*, № 6 (2007), стр. 7–21.

ской империи внесли огромный и разносторонний вклад в создание израильской государственности¹³, почти все высшие руководители Государства Израиль на протяжении всего периода его существования – уроженцы территорий, входивших в состав Российской империи, и российская политическая культура оказала огромное влияние на сионистское движение и менталитет его лидеров¹⁴, политико-психологического исследования этого феномена в исторической перспективе так и не было проведено. Хочется верить, что эта лакуна будет заполнена в обозримом будущем.

Не забудем и о том, что израильское руководство смотрело на СССР/Россию как на важнейший источник для изменения демографической ситуации в Палестине/Эрец-Исраэль, как на огромный резервуар для иммиграции, который необходимо открыть для Израиля. Значимость миграционного фактора в двусторонних отношениях в полной мере осознается израильскими исследователями¹⁵, однако в российской литературе эта тема пока не получила должного отражения. В целом значимость «израильского фактора» во взаимоотношениях советских евреев с властями собственной страны лишь становится объектом научного изучения¹⁶.

Вышеизложенные критические замечания не должны затмить главное, а именно – читатель, заинтересованный составить адекватное представление о различных периодах советско-, а затем российско-израильских отношений, в целом вполне может сделать это¹⁷. Оригинальных монографических исследований, касающихся советско-/российско-израильских отношений, пока, увы, в России не издано, однако большое количество статей, а также литература на иностранных языках позволяют заполнить многие лакуны. Серьезные работы посвящены и формированию политики СССР по палестинскому вопросу¹⁸, и вкладу Советского Союза в само создание Государства Израиль¹⁹, и каждому из трех периодов двусторон-

¹³ См.: Гершон Свет, «Русские евреи в сионизме и в строительстве Палестины и Израиля» // *«Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г.»* (Нью-Йорк, 1960; переиздание – Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 2002), стр. 239–275; Ицхак Маор, «Сионистское движение в России» (Иерусалим: «Библиотека Алия», 1977, пер. с иврита); Анна Симонова, «“Русские” сионисты во всемирном сионистском движении» // *«Judaica Rossica»*, № 1 (2001), стр. 61–79; Анна Симонова, «Сионистское движение в Советской России в 20-е годы» // *«Российский сионизм: история и культура»* (Москва: «Дом еврейской книги», 2002), стр. 278–287; А.Б. Цфасман, «Евреи Палестины и Советский Союз в годы Второй мировой войны: становление сотрудничества» // *Материалы Восьмой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике*, том 1 (Москва, 2002), стр. 115–126; *Идемте же отстроим стены Йерушалаима. Евреи из Российской империи, СССР/СНГ в Эрец-Исраэль и Государстве Израиль*, том 1, под ред. Ю.Д. Систер и М.А. Пархомовского (Иерусалим, 2005); том 2, под ред. Р. Пархомовской (Иерусалим, 2006).

¹⁴ См.: Зива Галили, «Советский опыт сионизма: экспорт советской политической культуры в Палестину» // *«Ab Imperio»*, № 4 (2003), стр. 329–376.

¹⁵ См., в частности: Yaacov Ro'i, «The Struggle for Soviet Jewish Emigration, 1948–1967» (Cambridge: Cambridge University Press, 1991); Yaacov Ro'i, «Soviet Policy towards Jewish Emigration: An Overview» // *«Russian Jews on Three Continents: Migration and Resettlement»*, ed. by N. Lewin-Epstein, Y. Ro'i and P. Ritterband (London: Frank Cass, 1997), pp. 45–67.

¹⁶ См.: Д. Шехтман, «Советская Россия, сионизм и Израиль» // *«Книга о русском еврействе, 1917–1967»* (Нью-Йорк, 1968; переиздание – Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 2002), стр. 325–353; Алек Д. Эпштейн, «Народная дипломатия и ее последствия: посланник Израиля Голда Меир в Московской хоральной синагоге в сентябре – октябре 1948 года» // *«Московская хоральная синагога. 100 лет»*, под ред. А.Е. Локшина (Москва: «Дом еврейской книги», 2006), стр. 177–203; Михаил Мицель, «Еврейство Украины в его связях с Государством Израиль в 1948–1958 годы» // *«Евреи в России: История и культура»*, под ред. Д.А. Эльяшевича (Санкт-Петербург: Петербургский еврейский университет, 1998), стр. 253–262.

¹⁷ Наиболее большой хронологический период покрывает статья: Владимир Носенко, «Характер и этапы советско-израильских отношений (1948–1990)» // *«СССР и третий мир: новый взгляд на внешнеполитические проблемы»* (Москва, 1991), стр. 65–104. На иврите издана очень содержательная монография Моше Зака «Сорок лет диалога с Москвой» (Тель-Авив: «Маарив», 1988), к сожалению, не переведенная на русский язык.

¹⁸ См.: Михаил Агапов, «СССР и палестинская проблема в 1920–1943 гг.» (Диссертация на степень кандидата исторических наук, Тюмень, 2004). На иврите вышла фундаментальная монография Биньямина Пинкуса «Особые отношения. СССР и его союзники и их отношения с еврейским народом, сионизмом и Государством Израиль, 1939–1959» (Сде-Бокер: Институт наследия Бен-Гуриона, 2007).

¹⁹ См.: Ю.И. Стрижов, «Советский Союз внес весомый вклад в создание Государства Израиль» // *«Азия и Африка сегодня»*, № 5 (1998), стр. 45–49; Ю.И. Стрижов, «СССР и создание Государства Израиль» // *«Международная жизнь»*, № 11/12 (1995), стр. 94–97.

них дипотношений: первому (до их разрыва в феврале 1953 года)²⁰, второму (с июля 1953 по июнь 1967 гг.)²¹ и в меньшей степени третьему (с декабря 1991 года по настоящее время)²². Корпус опубликованных работ, посвященных этой тематике, к настоящему времени значителен и непрерывно пополняется.

В последние годы работы об Израиле советского периода принято просто игнорировать, и слова нижегородского исследователя Игоря Рыжова, подготовившего краткий обзор литературы по этой теме, звучат еще сравнительно деликатно: «Можно сказать, что именно в 1960–1970-е годы в СССР были заложены основы советского израилюведения. Но всплеск действительно научных исследований совпал по времени с процессом восстановления дипломатических отношений Советского Союза с Израилем и последовавшего вскоре развала социалистической системы на рубеже 80–90-х годов XX века»²³. Представляется, однако, что тезис о заведомой «ненаучности» всех трудов предшествующего периода должен быть рассмотрен более пристально.

Характер советского израилюведения в 1970-е и 1980-е годы, тематику, наиболее часто затрагиваемую советскими авторами в рамках этого направления, а также цели, которые авторы ставили перед собой, невозможно понять вне связи с исторической и социальной ситуацией. Поскольку именно эпоха определяет коллективное мышление, в рамках которого формируются индивидуально дифференцированные взгляды отдельных ученых, необходимо «вписать» советское израилюведение в два принципиально важных контекста.

Первый контекст, в рамках которого необходимо рассматривать израилюведение в СССР, – научно-институциональный. В 1974 году в Институте востоковедения был создан отдельный сектор изучения Израиля, из которого вырос существующий ныне отдел Израиля и еврейских диаспор. К тому времени Галиной Никитиной (1924–1982) была защищена первая в СССР докторская диссертация об Израиле, в 1968 году изданная отдельной книгой. Несмотря на раздражающие своей неуместностью многочисленные цитаты из тех или иных документов израильской Коммунистической партии, а также односторонние обвинения «агрессии Израиля против арабских государств в июне 1967 года», читать эту монографию небесполезно и сегодня: целый ряд идей, которые были изложены в Израиле и в США постсионистски ориентированными т. н. «новыми историками» и «критическими социологами» в 1980–1990-е годы, уже отчетливо представлены в ней.

²⁰ См.: М. Сидоров, «Первые годы. Отношения между СССР и Израилем в конце 40-х – начале 50-х годов» // *«Нева»*, № 10 (1991); Г.Г. Исаев, «Уроки истории: советско-израильские отношения в 1948–1951 гг.» // *«Политическая экспертиза»*, № 3 (2006), стр. 114–130. К сожалению, так и не была переведена на русский язык фундаментальная книга Yaacov Ro'i, *«Soviet Decision Making in Practice: The USSR and Israel, 1947–1954»* (New Brunswick: Transaction, 1980), а также монография Arnold Krammer, *«The Forgotten Friendship. Israel and the Soviet Bloc, 1947–1953»* (Urbana: University of Illinois Press, 1974). К сожалению, невозможно всерьез рекомендовать изданное массовым тиражом журналистское сочинение Леонида Млечина *«Зачем Сталин создал Израиль?»* (Москва: Эксмо, Яуза, 2005).

²¹ См.: Йосеф Говрин, *«Израильско-советские отношения 1953–1967»* (Москва: «Прогресс», 1994, пер. с иврита А. Варшавского); И.В. Рыжов, *«СССР и Государство Израиль. Трудная история взаимоотношений»* (Нижний Новгород, 2008), а также: Светлана Гасратян, «Религиозный фактор во взаимоотношениях Израиля и СССР: роль иудаизма (50–60-е годы)» // *«Восток»*, № 4 (1996).

²² См.: И.В. Рыжов, *«Особенности развития взаимоотношений России с Государством Израиль в 90-е годы XX века»* (Диссертация на соискание степени канд. ист. наук, Нижний Новгород, 1999); Стефани Гоффман, «Российско-израильские отношения в последнее десятилетие» // *«Общество и политика современного Израиля»*, под ред. А.Д. Эпштейна и А.В. Федорченко (Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 2002), стр. 313–334; Михаил Агапов, *«СССР и палестинская проблема в 1920–1943 гг.»* (Диссертация на степень кандидата исторических наук, 2004); Владимир Морозов, *«Русскоязычная иммиграция в Израиль как фактор в развитии российско-израильских межгосударственных отношений»* (Диссертация на степень кандидата исторических наук, Москва, 2009).

²³ И.В. Рыжов, «Государство Израиль в системе международно-политических координат в период “холодной войны”»: обзор отечественной историографии» // *«Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского»*, № 3 (2007), стр. 166.

Во-первых, Г.С. Никитина отмечает искусственность сконструированной разными авторами концепции преемственности еврейской политической истории от еврейского государства в Палестине в древности до его возрождения там же в 1948 году. «Авторы упомянутых концепций фальсифицируют историю: в действительности лишь в настоящее время в Израиле формируется еврейская нация и речь может идти лишь об определенной религиозной и отчасти языковой преемственности»²⁴. О том, что процесс формирования единой нации в самом Государстве Израиль, собственно, только и начался, тогда как в странах диаспоры евреи с трудом представляют собой лишь конфессиональную общность, «новые историки» и «критические социологи» заговорили куда позднее советской исследовательницы.

Во-вторых, вполне в духе радикальных постсионистских авторов 1990-х (Баруха Киммерлинга, Гершона Шафира, Ури Рама и других сторонников т. н. «колониционной парадигмы»²⁵) Г.С. Никитина пишет, опередив их на четверть века: «Нетрудно понять, какого рода планы скрываются за рассуждениями о “преемственности”, если учесть, что во всех случаях при такой постановке вопроса вольно или невольно, откровенно или завуалированно подразумевается “Палестина в исторических границах”, значительно превосходящих территорию современного Израиля. Экспансионистская сущность этих наукообразных “концепций” очевидна»²⁶. Эта коллизия – утверждение о неразрывной преемственности между современным и библейским Израилем при декларируемом признании границ государства, сложившихся после окончания Войны за независимость в 1948–1949 годах, вследствие которых важнейшие с точки зрения библейской истории города и районы оказались вне еврейского государства, – была очень проблематичной для общества, а ее частичное разрешение в ходе Шестидневной войны, когда под контролем Израиля оказались Старый город Иерусалима и Хеврон, воспринималось большинством еврейского населения страны как эпохальное чудо²⁷. Прошло около двух десятилетий после 1967 года, пока (во многом – в связи с началом первой палестинской интифады) считающиеся радикальными израильские мыслители повторили утверждения об «экспансионистской сущности» концепции исторической преемственности, равно как и о том, что она способствует эскалации остроты арабо-израильского противостояния.

В-третьих, задолго до считающихся «критически» настроенными израильских социологов и демографов Г.С. Никитина выдвинула тезис о том, что еврейская иммиграция в Израиль объясняется в большей мере выталкивающими факторами в странах исхода, а не притяжением Земли обетованной. «Анализ потоков иммиграции евреев в Палестину показывает, что приток еврейского населения в страну извне на протяжении почти семидесяти лет стимулировался главным образом внешними причинами, такими, как преследования евреев в царской России, тяжелые условия жизни и безработица в Польше, политика массового уничтожения евреев, проводившаяся в нацистской Германии, и пр., – отмечала Г.С. Никитина. – Менее всего иммиграция была вызвана распространением сионистских идей среди еврейских масс и их тяготением к “земле предков”. Характерно, например, что с 1881 по 1930 гг. в США въехало 3,2 млн. евреев, а в Палестину за тот же период только 120 тыс. человек, т. е. в 27 раз меньше»²⁸. В самом Израиле в то время доминировало совсем иное восприятие динамики миграционных процессов: утверждалось, что только ограничения, накладывае-

²⁴ Г.С. Никитина, «Государство Израиль» (Москва: «Наука», 1968), стр. 4.

²⁵ См.: Uri Ram, «The Colonization Perspective in Israeli Sociology: Internal and External Comparisons» // *Journal of Historical Sociology*, vol. 6, no. 3 (1993), pp. 327–350.

²⁶ Г.С. Никитина, «Государство Израиль», стр. 7.

²⁷ См.: Алек Д. Эпштейн, «В плену прошлого: генезис коллективной памяти как фактор эскалации палестино-израильского конфликта» // *Исследования по прикладной и неотложной этнологии* (Москва: Институт этнологии и антропологии РАН, 2009), № 214, стр. 20–22.

²⁸ Г.С. Никитина, «Государство Израиль», стр. 212.

мые на иммиграцию евреев (в частности, британскими мандатными властями в догосударственный период, советскими руководителями, державшими евреев «за железным занавесом», и т. д.), препятствовали «собиранию диаспор» в Эрец-Исраэль. Почти не писали в то время и о еврейской эмиграции из Израиля, а если писали, то в крайне негативных тонах. (В 1970-е годы в Израиле не писали даже и о вынужденной внутренней миграции; считалось неправильным сообщать о том, что жители Кирьят-Шмона в массовом порядке покидали город из-за ракетных обстрелов с территории Ливана, ибо это якобы свидетельствовало о недостаточной крепости их духа²⁹.) Г.С. Никитина писала и о мизерном количестве еврейских иммигрантов, прибывавших из благополучных стран Запада, и о эмиграции из Израиля, и о политике селективной (выборочной) иммиграции, введенной правительством Израиля в 1952 году и остававшейся в силе до конца 1954 года³⁰.

В-четвертых, Г.С. Никитина критически анализировала декларируемые и реальные цели политического руководства страны касательно иммигрантов и их интеграции в обществе, отмечая: «Наблюдается разница в условиях жизни новых иммигрантов и “ветеранов”. В целом вновь прибывшие иммигранты, особенно на начальной стадии, занимают экономическое положение более низкое, чем коренное население. <...> Очень редко можно наблюдать отношения действительной дружбы между европейцами и североафриканцами или между европейцами и иммигрантами с Ближнего Востока. <...> Экономическая интеграция иммигрантов в Израиле сопровождается перекалфикацией переселенцев, иначе для них нет работы. <...> Расселенные в сельской местности иммигранты были заняты... на таких тяжелых работах, как мелиорация, лесонасаждение, ирригация, осушение болот, строительство дорог. <...> К этому прибавляется обязательное духовное перевоспитание иммигранта, в чем важную роль призван играть Гистадрут [Федерация профсоюзов]. Кроме того, иммигрантов «готовят в солдаты... они также воспитываются идеологически как граждане израильского государства»³¹. Г.С. Никитина цитировала и сказанные в 1952 году слова Д. Бен-Гуриона: «Первостепенный решающий фактор нашей безопасности – это массовая и максимально интенсивная иммиграция». «Далее он разъяснял, что созданные с помощью иммигрантов пограничные поселения должны служить первой стеной обороны государства, причем “стеной не из камня, а из плоти и крови”»³². Израильские «критические социологи» (Шуламит Карми, Генри Розенфельд, Двора Беренштейн, Шломо Свирски, а затем и другие³³) только в конце 1970-х впервые озвучили тезис о том, что руководство страны было заинтересовано в иммигрантах потому, что иначе некому было заселять пустынные земли на периферии, годами получая очень небольшие деньги и живя в крайне тяжелых условиях в брезентовых палатках. Вопрос о том, что таким образом решалась и проблема комплектации армии, был поднят еще позднее: в 1968 году, сразу после победоносной Шестидневной войны, вооруженные силы имели в Израиле настолько непререкаемый статус, что прошло более пятнадцати лет, пока Сами Самуха впервые поднял вопрос о роли армии в конструировании этносоциального неравенства в стране³⁴.

²⁹ См.: Моше Негби, «Свобода прессы в Израиле» (Иерусалим: Институт изучения Израиля, 1995), стр. 44 [на иврите].

³⁰ См.: Г.С. Никитина, «Государство Израиль», стр. 213–217.

³¹ См. там же, стр. 220–221.

³² См. там же, стр. 223.

³³ См.: Sammy Smooha, «Three Approaches to the Sociology of Ethnic Relations in Israel» // «Jerusalem Quarterly», no. 40 (1986), pp. 31–61; Uri Ram, «The Changing Agenda of Israeli Sociology» (Albany: State University of New York, 1995), pp. 131–142 («The Mizrahi Predicament: The Development of Underdevelopment»).

³⁴ См.: Сами Самуха, «Межобщинные отношения и армия в Израиле» // «Государство, власть и международные отношения», № 22 (1984), стр. 5–32 [на иврите]; пер. на русский язык в книге: «Национальная безопасность и демократия в Израиле», под ред. Б. Нойбергера, И. Бен-Ами и А.Д. Эпштейна (Раанана: Открытый университет Израиля, 2009), том третий, стр. 119–166.

К сожалению, эти полезные (хотя, естественно, далеко не бесспорные) для анализа израильского общества направления чем дальше, тем больше вытеснялись оголтелой демагогической риторикой, имевшей все меньше отношения к действительности. С конца 1960-х до середины 1980-х публикуются многочисленные книги об Израиле, в которых отдельные осмысленные замечания и положения тонут в потоке обличительной пропагандистской злобы³⁵.

Нужно сказать, что изучение «враждебных» стран, не входивших в социалистический блок, и публикация работ о тех или иных их проблемах не были чем-то экстраординарным для советской науки. Даже полный разрыв дипломатических отношений не означал прекращения изучения страны. Так, в 1956 году Советский Союз отозвал своего посла из ЮАР в знак протеста против режима апартеида, однако книги об этой стране (резко критические), написанные Л.А. Демкиной, А.Ю. Урновым и другими, продолжали выходить; после революции 1965–1968 годов в Индонезии все контакты с этой страной были заморожены, хотя формально послы отозваны и не были, меж тем исследования, посвященные этой стране, редко, но издавались.

Таким образом, израилеведение в этом контексте представляло собой часть советских регионоведческих исследований. Конечно, чисто научный компонент такой работы дополнялся идеологической «необходимостью для советской науки вести непримиримую борьбу с империализмом на политическом и идейном направлениях» (как это сформулировал тогдашний главный идеолог КПСС М.А. Суслов³⁶), поэтому израилеведческие работы, издававшиеся в СССР, чем дальше, тем больше приносили научность в жертву идеологии.

Представляется, однако, что логика функционирования израилеведения как научного направления в рамках советского востоковедения в частности и регионоведения в целом, не может объяснить два проблемных аспекта. Во-первых, почему с разрывом дипломатических отношений количество публикаций, посвященных Израилю, не только не снизилось, но даже увеличилось по сравнению с предшествующими годами. Во-вторых, остается неясным, почему в работах советских авторов большое, а иногда диспропорционально большое место занимало изучение проблем иммиграции в Израиль.

Дабы ответить на данные вопросы, необходимо рассмотреть советское израилеведение в его внутривнутриполитическом контексте. Период, когда эта научная дисциплина входит в академическую структуру, то есть первая половина 1970-х годов, совпал с усилением борьбы еврейских активистов за выезд из страны. Советский Союз, формально ратифицировав в сентябре 1973 года Международный пакт о гражданских и политических правах, статья 12 которого обязывала государство-подписанта обеспечить своим гражданам свободу передвижения и свободу выбора места жительства, сохранял, однако, жесткие ограничения, делавшие эмиграцию из страны крайне трудной.

После феерической победы Израиля в Шестидневной войне количество советских евреев, подававших заявление с просьбой о выезде из СССР в Израиль на постоянное жительство, значительно возросло. Первоначально советские власти прибегали к практике

³⁵ Среди таких книг: Ю.С. Иванов, *«Осторожно: сионизм. Очерки по идеологии, организации и практике сионизма»* (Москва, 1969); Н.П. Блищенко и В.Д. Кудрявцев, *«Агрессия Израиля и международное право»* (Москва: «Международные отношения», 1970); В.В. Большаков, *«Сионизм на службе антикоммунизма»* (Москва, 1972); Л.А. Рувинский, *«Сионизм на службе мировой реакции»* (Одесса: «Маяк», 1984); *«Сионизм: теория и практика»*, под ред. И.И. Минца (Москва: Издательство политической литературы, 1973); Л.А. Рувинский, *«Сионизм: реакционные цели и преступные средства»* (Одесса: «Маяк», 1980); Н.Г. Пода, *«Сионизм – орудие империалистической реакции»* (Киев: «Радянська школа», 1981); В.А. Стефанкин, *«На службе агрессии: политическая система и политика Израиля»* (Киев: Издательство политической литературы Украины, 1985); В.А. Семенюк, *«Сионизм в политической стратегии империализма»* (Минск: «Беларусь», 1981); Н.В. Покормяк, *«Израиль: курсом милитаризма и агрессии»* (Москва: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1982); Л.Е. Беренштейн, *«Сионизм – враг мира и социального прогресса»* (Киев: «Наукова думка», 1984) и другие.

³⁶ Цит. по: Н.Г. Пода, *«Сионизм – орудие империалистической реакции»*, стр. 5.

ограниченной выдачи виз в сочетании с репрессивно-ограничительными мерами: так, в августе 1972 года был введен «налог на образование», согласно которому желающий уехать из Советского Союза должен был возместить государству полную стоимость своего обучения в вузе. Установленные суммы варьировались от 4 до 25 тысяч рублей и, при существовавшей в стране средней заработной плате, делали выполнение этого требования фактически невозможным. Против этих мер, направленных на ограничение масштабов еврейской эмиграции, еврейские организации в Израиле и США начали масштабную общественную кампанию, имевшую огромный успех. Еврейский вопрос в СССР постепенно становился одной из наиболее проблемных тем и в советско-американских отношениях, и в общественном дискурсе на Западе вообще³⁷. Как справедливо заметил английский социолог Зигмунд Бауман, с конца 1960-х годов в Европе и США «начинается отход этического и политического дискурса от фрейма “справедливого общества” и его смещение к фрейму “прав человека”, в особенности на право человека быть другим и по собственному желанию выбирать образ жизни»³⁸. Принятие в 1974 году Конгрессом США «поправки Джексона – Вэника», увязывавшей торгово-экономические отношения с Советским Союзом с правом евреев на свободную эмиграцию, стало апогеем борьбы сверхдержав в «холодной войне», разменной картой в которой были советские евреи.

Внутри страны целевой группой населения, на которую ориентировались советские пропагандисты, были прежде всего именно евреи. Израилеведческие работы начали использоваться как средство воздействия на советских евреев с целью «деромантизировать» образ Израиля в массовом сознании и показать, насколько жизнь и быт в этой стране отличаются в худшую сторону от жизни в Советском Союзе, насколько «реальный Израиль» далек от «Земли обетованной». Именно этим может объясняться частота публикаций работ об Израиле в 1970—1980-е годы, а также то внимание, которое их авторы уделяли проблеме миграции и быта мигрантов в Израиле. Впрочем, даже тогда, когда советские исследователи писали по этим вопросам вещи объективно верные, потенциальные еврейские эмигранты им не верили: нагромождение оскорбительной лжи об Израиле было столь велико, что почти никто не пытался задуматься над тем, что среди этой лжи может быть и весьма горькая правда.

В отличие от советского периода, когда работы, посвященные политике Москвы на Ближнем Востоке, находились под жесткой идеологической цензурой и потому отражали лишь позицию руководства страны, в постсоветские годы на русском языке были опубликованы и куда более критические книги и статьи, авторы которых анализируют усилия российской дипломатии, порой направленные на снижение остроты арабо-израильского конфликта, а порой, напротив, на эскалацию региональной гонки вооружений. В каждой из арабо-израильских войн Советский Союз играл некоторую роль, порой – весьма значимую, и исследователи, естественно, не могли обойти этот феномен стороной³⁹. Рассматривались и дипло-

³⁷ См.: Барух Гур-Гуревич, *«В поисках себя между ассимиляцией и интеграцией. Российские евреи и власть в XX веке»*, том второй (Раанана: Открытый университет Израиля, 2008), стр. 90–113.

³⁸ З. Бауман, *«Текущая современность»* (Санкт-Петербург: «Питер», 2008), стр. 37.

³⁹ См.: М.М. Наринский, «Советский Союз и Суэцкий кризис 1956 года. Новые данные» // *«Новая и новейшая история»*, № 2 (2004); С. Шварц, *«Советский Союз и арабо-израильская война 1967 года»* (Нью-Йорк: издание Американского еврейского рабочего комитета, 1969); Р.Д. Дауров, *«Долгая Шестидневная война. Победы и поражения СССР на Ближнем Востоке»* (Москва: Институт востоковедения РАН, 2009); G. Golan, *«Yom Kippur and After: Soviet Union and the Middle East Crisis»* (New York: Cambridge University Press, 1977); М.М. Наринский, «Советский Союз и арабо-израильская война 1973 года» // *«Новая и новейшая история»*, № 4 (2006); А.Ю. Шумихин, «Кремлевское руководство и урегулирование ближневосточного кризиса в октябре 1973 г.: Воспоминания советского дипломата». Рец. на: V. Israelyan, *«Inside the Kremlin during the Yom Kippur War»* (University of Pennsylvania Press, 1995) // *«США: экономика, политика, идеология»*, № 9 (1996). В переводе с английского была опубликована крайне противоречивая работа: Изабелла Гинор, *«Шестидневная война 1967 года и позиция СССР»* // *«США и Канада: экономика, политика, культура»*, № 12 (2002). Недавно появился важный сборник: Yaacov Ro'i and Boris Morozov (eds.), *«The Soviet Union and the June 1967 Six Day War»* (Stanford University Press, 2008).

матические инициативы Советского Союза по сближению позиций вовлеченных в конфликт сторон⁴⁰. Учитывая, что арабо-израильский конфликт был и оставался ареной борьбы супердержав, не приходится удивляться тому, что отдельные авторы связывают динамику отношений СССР/России с Израилем и арабскими странами с тенденциями, преобладавшими в двусторонних отношениях СССР и США и участием каждой из них в ближневосточной региональной политике⁴¹. В книгах, посвященных ближневосточной политике России в целом, ее роли в арабо-израильском конфликте и переговорном процессе традиционно уделяются содержательные главы⁴².

Значительный тематический блок в историографии советско-/российско-израильских отношений составляют статьи об экономических связях между государствами⁴³, а также о вопросах, относящихся к сфере пересечения религии и политики⁴⁴. Естественно, что и израильский опыт «выхода из социализма», и израильская модель обеспечения свободы совести и вероисповедания для представителей различных религий привлекает внимание российских исследователей.

На сегодняшний день опубликованные работы по истории советско-израильских и российско-израильских отношений позволяют говорить, что этап формирования концепций и сбора основных документальных материалов (несмотря на обозначенные выше проблемы в этой сфере) в целом завершен. Изданные книги и статьи затрагивают практически все аспекты, которые являлись ключевыми для истории отношений двух стран. Вместе с тем список неизученных вопросов еще весьма и весьма значителен; в особенности это касается последних двадцати лет, постсоветского периода двусторонних отношений. Кроме того, не нужно забывать о том, что сами российско-израильские отношения развиваются в последние годы чрезвычайно динамично, и анализ, даже в целом адекватный еще несколько лет назад, практически совершенно нерелевантен в настоящее время.

Учитывая все вышесказанное, настоящая книга целиком посвящена как раз наименее изученному периоду двусторонних отношений России и Израиля – двадцати годам, прошедшим с момента восстановления работы посольств в обеих странах. При этом точка зрения авторов настоящей монографии состоит в том, что, по совокупности причин, вызванных как процессами, происходившими в отношениях Израиля и США, так и динамикой международных отношений Российской Федерации, в 2008 году вектор двусторонних контактов существенным образом изменился к лучшему. Существенные персональные изменения в

⁴⁰ См.: А.К.С. Сувейлим, *«Арабо-израильский конфликт 1948–1991 годов и роль Советского Союза в его урегулировании»* (Диссертация на степень кандидата исторических наук, Москва, 1991); Е.Д. Пырлин, *«Трудный и долгий путь к миру: Взгляд из Москвы на проблему ближневосточного урегулирования»* (Москва: «Российская политическая энциклопедия», 2002).

⁴¹ См., в частности: Владимир Румянцев, *«Арабо-израильские отношения в 1950-е гг.: взгляд из Вашингтона и Москвы»* (Томск: Томский государственный университет, 2007); О.В. Теребов, «Новая ситуация на Ближнем Востоке и российско-американские отношения» // *«США: Экономика. Политика. Идеология»*, № 11 (1992).

⁴² См., например: А.М. Васильев, *«Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму»* (Москва: «Наука», 1993), стр. 302–333; *«Россия на Ближнем Востоке»* (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001), стр. 206–212 и 232–237 (статьи Е.Я. Сатановского и А.Ж. Хасянова); С.Г. Лузянин, «Россия – Израиль – Палестина» // *«Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на Ближний Восток»* (2004–2008 гг.) (Москва: АСТ – «Восток – Запад», 2008), стр. 104–119.

⁴³ См.: А.В. Федорченко, «Российско-израильские экономические связи: итоги и перспективы» // *«Мировая экономика и международные отношения»*, № 2 (2000); Н.В. Хаустов, «Торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Израилем в 90-е годы» // *«Востоковедный сборник»*, № 2 (2001), стр. 333–351; Ф.А. Тринич, «Россия – Израиль: состояние торгово-экономического сотрудничества» // *«Ближний Восток и современность»*, № 20 (2003), стр. 346–354; А.В. Федорченко и Д.А. Марьясис, «НТК России и Израиля: возможности взаимодействия» // *«Аналитический доклад Центра ближневосточных исследований МГИМО (У) МИД России»*, № 7 (2006).

⁴⁴ См.: Светлана Гасратян, «Русская духовная миссия в Израиле в 40–60-е годы XX века» // *«Восток»*, № 5 (1998); Дмитрий Шевелев, «Позиция Русской православной церкви Московского патриархата по палестинской проблеме в период второй интифады» // *«Ближний Восток и современность»*, № 15 (2002), стр. 229–238.

израильском руководстве после всеобщих выборов 2009 года стали дополнительным катализатором сближения между обеими странами и их политическими элитами. Эти изменения еще не стали предметом анализа в научной литературе, и именно этот пробел призвана заполнить настоящая книга. Периоду с 1991 по 2007 год посвящена вторая глава монографии, в то время как все последующие – трем самым последним годам, с 2008 по конец февраля 2011 года.

Глава 2

Россия и Израиль после восстановления дипломатических отношений – факторы взаимного интереса и проблемы

После распада Советского Союза и создания двенадцатью бывшими советскими республиками Содружества независимых государств Российская Федерация, выступив как правопреемница СССР на международной арене, заняла место постоянного члена Совета Безопасности ООН, сохранив и статус ядерной державы. Вместе с тем сложившиеся принципиально новые геополитические условия заставили Россию заново строить всю концепцию своей внешней политики. Определились два важнейших направления российской внешней политики: отношения с бывшими республиками СССР, или так называемым «ближним», или «новым», зарубежьем, а также с ведущими странами Запада, и прежде всего с США.

Отношения России с новыми независимыми государствами ближнего зарубежья определялись проблемами формирования политического и экономического сотрудничества в рамках СНГ, защитой интересов русскоязычного населения в бывших республиках Советского Союза и разделом собственности бывшей Советской армии. Вместе с тем, несмотря на все заявления о полной «независимости и суверенитете», государства ближнего зарубежья не могли обойтись без эффективной военно-политической поддержки России. В наиболее проблематичные моменты Россия вмешивалась в дела «ближнего зарубежья», а именно в конфликты между Абхазией и Грузией, между Азербайджаном и Арменией, в противостояние между самопровозглашенной Приднестровской республикой и Молдавией, а также в гражданскую войну в Таджикистане. Во всех этих конфликтах участие российского миротворческого воинского контингента усиливало и политический вес России как единственной внешней силы, способной, вмешавшись в конфликт, существенно повлиять на векторы региональных отношений.

Отношения с Израилем – один из самых проблемных компонентов того внешнеполитического «наследства», которое Россия получила от Советского Союза. Дело не только в отсутствии дипломатических отношений на протяжении двадцати четырех лет – с июня 1967 по декабрь 1991 года, хотя, конечно, важность этого разрыва переоценить невозможно. Едва ли не более важным было то, что на протяжении многих лет советские руководители использовали агрессивную антиизраильскую риторику, которая, будучи постоянно повторяемой в печатных и электронных СМИ, формировала резко негативное отношение к Израилю широких слоев советских граждан – и это отношение не могло исчезнуть столь же быстро, сколь исчез с карты мира Советский Союз.

Взаимоотношения Советского Союза и Израиля представляют собой в общем уникальный случай в советской внешней политике. Дипломатическая и политическая поддержка Советского Союза, вышедшего из Второй мировой войны одним из победителей, ставшего постоянным членом Совета безопасности ООН, в ключевой период определения судьбы и будущего Палестины сыграла едва ли не центральную роль. СССР был одной из первых стран, признавшей Израиль и де-факто, и де-юре и уже 17 мая 1948 года установившей с ним дипломатические отношения. Военная поддержка СССР во время первой арабо-израильской войны, начавшейся 15 мая 1948 года после завершения британского мандата, также сыграла огромную роль в становлении только что провозглашенного еврейского государства. Однако уже в феврале 1953 года, после взрыва в резиденции советского посла в Тель-Авиве, дипломатические отношения были разорваны. Причины разрыва Советским Союзом

дипотношений с Израилем в последний месяц жизни И.В. Сталина так и не прояснены, и мы так и не знаем, было ли это связано с планировавшимся показательным процессом над «врачами-убийцами» в Москве или нет. Восстановление контактов произошло уже после смерти вождя, в июле 1953 года. Вслед за этим последовал короткий промежуток времени, когда обе страны поддерживали более или менее нормальные дипломатические контакты, хотя вопрос о разрешениях на эмиграцию подсудно довлел над ними: израильские власти, которые от поисков «государства для народа» перешли к поискам «народа для государства»⁴⁵, стремились добиться массовой еврейской иммиграции из Советского Союза, на что советские руководители совершенно не были готовы. Еще 21 сентября 1948 года за подписью, пожалуй, самого знаменитого в те годы еврея страны – Ильи Эренбурга – в центральной «Правде» вышла большая статья под заголовком «По поводу одного письма», в которой, в частности, говорилось: «Каждый советский гражданин понимает, что дело не только в национальном характере государства, но и в его социальном строе. Гражданин социалистического общества смотрит на людей любой буржуазной страны, в том числе на людей Государства Израиль, как на путников, еще не вырвавшихся из темного леса. Гражданина социалистического общества никогда не сможет прельстить судьба людей, влачащих ярмо капиталистической эксплуатации. <...> Советские евреи вместе со всеми советскими людьми отстаивают свою социалистическую родину. Они смотрят не на Ближний Восток, они смотрят в будущее»⁴⁶. Этот подход советских властей оставался практически неизменным на протяжении двух десятилетий, и он, естественно, создавал непрерывный, хоть и редко упоминаемый в официальных переговорах, очаг напряженности в двусторонних отношениях даже и в относительно благоприятные годы⁴⁷. После сокрушительного разгрома арабских стран в Шестидневной войне 10 июня 1967 года Советский Союз вновь отозвал своего посла из Израиля и прервал любые торгово-экономические связи с этой страной⁴⁸. С этого времени и вплоть до 1991 года дипломатических отношений между двумя государствами не было.

Советский Союз разрывал отношения с отдельными странами Азии, Африки и Латинской Америки, Израиль не был единственным подобным государством, однако перерывы, как правило, были кратковременными (с Ираком дипотношений не было с 1955 по 1958 г.; с Камбоджей – с 1973 по 1979 г.). Только с двумя странами СССР не восстанавливал отношений в течение многих лет: с ЮАР после отзыва посла в 1956 году и с Израилем, с 1967 по 1991 год.

На протяжении почти четверти века (с 1967 по 1991 г.) формально разорванные советско-израильские отношения находились в критической зависимости от двух «внешних» факторов. С одной стороны, Советский Союз находился под сильным давлением со стороны своих как бы союзников в арабском мире (хотя формально никакая из арабских стран не находилась в военно-политическом союзе с СССР), требовавших не восстанавливать дипломатические отношения с сионистским государством. С другой стороны, для Израиля куда большее значение, чем дипломатические отношения, имела возможность еврейской эмиграции из СССР – совершенно очевидно, что для израильских руководителей открытые ворота для эмиграции без дипломатических отношений (как это было в 1967–1980 гг.) были предпочтительнее, чем дипломатические отношения в условиях запрета еврейской эмиграции (как

⁴⁵ Когда Государство Израиль только возникло, Д. Бен-Гурион, его первый глава правительства, затронул самую суть проблемы: вопрос, который на протяжении столетий звучал как «найдется ли государство для народа?», приобрел совершенно иной смысл – «найдется ли народ для государства?».

⁴⁶ И.Г. Эренбург, «По поводу одного письма» // «Правда», 21 сентября 1948 г.

⁴⁷ См.: Arnold Krammer, «*The Forgotten Friendship. Israel and the Soviet Bloc, 1947–1953*» (Urbana: University of Illinois Press, 1974), pp. 151–164 («The Critical Question of Emigration»); Йосеф Говрин, «*Израильско-советские отношения, 1953–1967*» [1990] (Москва: «Прогресс», 1994), стр. 78–80 и 138–148.

⁴⁸ См.: Йосеф Говрин, «*Израильско-советские отношения, 1953–1967*», стр. 117–119 и 322–328.

это было в 1948–1953 и 1954–1967 гг.). Израиль требовал для советских евреев права, которым власти не наделяли представителей никаких групп населения страны – права на свободу выезда. С течением времени (особенно после принятия в 1974 году знаменитой поправки Джексона – Вэника, не отмененной, кстати, до сих пор) это требование стало важным компонентом антисоветского инструментария американской дипломатии, что поставило советских евреев едва ли не в эпицентр противостояния двух великих держав в период «холодной войны». При этом не только Израиль, но и Советский Союз претендовал на то, чтобы представлять людей, не являющихся его жителями: *raison d'être* Государства Израиль была (и во многом остается) претензия на представление всех евреев, вне зависимости от того, где они живут и какое гражданство имеют, а Советский Союз видел себя как государство всех трудящихся, как центр всемирной борьбы против капитализма и империализма. Экспансионистская идеология официальной Москвы, чем дальше, тем больше не без оснований видевшая в Государстве Израиль союзника тех сил, борьба с которыми была стержнем ее устремлений, никоим образом не могла сочетаться с идеологией официального Иерусалима, бывшей по-своему не менее экспансионистской: если Советский Союз стремился «спасти» Палестину и весь Ближний Восток от «националистического безумия международного сионизма», представляющего собой «расизм под голубой звездой на службе антикоммунизма», то израильские руководители видели свою задачу в том, чтобы «вызволить» живших в СССР евреев «из плена красного фараона». Объективные различия в подходах двух стран были столь значительны, что до момента расформирования Советского Союза дипломатические отношения с Израилем так и не были восстановлены.

Процесс постепенного налаживания этих отношений на дипломатическом уровне последовательно изложен в мемуарно-аналитической статье опытного дипломата В.И. Носенко, работавшего, в частности, и в российском посольстве в Израиле⁴⁹. Изложение нами событий 1985–1991 годов в значительной мере опирается на его воспоминания и размышления.

После прихода к власти Михаила Горбачева первым контактом стала неофициальная встреча советского и израильского послов во Франции Юлия Воронцова и Овадии Софера в июле 1985 года. Ю.М. Воронцов признавал возможность нормализации отношений, но при условии кардинальных сдвигов в подходе Израиля к урегулированию, его согласия на созыв международной конференции по Ближнему Востоку. Как отмечает В.И. Носенко, «такая позиция отчасти совпадала с установкой, изложенной министром иностранных дел СССР Андреем Громыко в 1973 году на Женевской мирной конференции тогдашнему главе МИДа Израиля Аббе Эвену». В дальнейшем посредником выступил президент Всемирного еврейского конгресса Эдгар Бронфман, посетивший в сентябре 1985 года Москву. Он привез М.С. Горбачеву личное послание тогдашнего премьер-министра Израиля Шимона Переса относительно налаживания диалога. В советском ответе был повторен призыв к коренному изменению Израилем подхода к урегулированию. С лета 1985 года в ЦК КПСС рассматривался вариант направления в Израиль группы консульских сотрудников для решения вопросов, связанных со статусом проживавших там советских граждан и защитой имущественных интересов СССР в этой стране. Инструкции МИДа для этой группы исключали обсуждение любых политических проблем, рекомендовали осуществлять контакты в Тель-Авиве, а не в Иерусалиме, и преимущественно через посольство Финляндии, представлявшее интересы СССР в Израиле. Советские представители категорически отвергли вариант направления аналогичной израильской группы в Москву, сославшись на отсутствие у Израиля в СССР как имущественных интересов, так и своих граждан. В начале 1987 года израильтяне

⁴⁹ Владимир Носенко, «Строить – не ломать. Нормализация отношений с Израилем понадобилась Советскому Союзу в перестройку» // «Время новостей», 18 октября 2006 г.

согласились принять советских представителей, не выдвигая собственных условий, хотя и намекнули на желательность взаимности. В июле группа во главе с Георгием Мартиросовым прибыла в Израиль, причем теперь ей поручалось «не уклоняться и от политических контактов». В апреле 1987 года М.С. Горбачев в присутствии президента Сирии Хафеза Асада заявил, что отсутствие дипломатических отношений с Израилем «ненормально»⁵⁰. С июля 1988 года в Москве начали работать израильтяне (группу представителей возглавлял Арье Левин). «На первых порах и советские, и израильские консульские сотрудники сталкивались с большими трудностями – их функции были ограничены, контакты в обеих странах велись на невысоком рабочем уровне», – признает В.И. Носенко.

Положение стало меняться к лучшему после того, как руководство Израиля выразило готовность направить всю возможную помощь в переживший в 1988 году страшное землетрясение город Спитак в Армении, а также после безоговорочной выдачи Израилем преступников, угнавших в декабре того же года самолет из Минеральных Вод в Израиль. Развитию связей способствовало и смягчение подхода СССР к выезду евреев в Израиль. Еще в начале перестройки из тюрем освободили Анатолия Щаранского и нескольких других видных еврейских диссидентов, которым было разрешено покинуть СССР. Число выезжавших евреев неуклонно росло: в 1988-м – 2228 человек, в 1989-м – 1923, с января 1990 по октябрь 1991 года – около 320 тысяч человек. Но эмиграция была сопряжена с многочисленными бюрократическими препонами. До осени 1991-го блокировалось открытие прямой авиалинии Москва – Тель-Авив (самолеты летали преимущественно через Будапешт). «И все же позитивные изменения были очевидны, – подчеркивает В.И. Носенко. – Официальная критика сионизма шла на спад, появлялись отдельные публикации, разоблачавшие антисемитизм. Однако наиболее острые из них проходили с немалыми сложностями. Случалось, что только вмешательство члена Политбюро ЦК КПСС Александра Яковлева открывало возможность их выхода в свет».

В феврале 1989 года министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе и его израильский коллега Моше Аренс встретились в Каире и договорились о контактах между МИДах двух стран. МИД СССР стал постепенно заменять ЦК КПСС в диалоге с Израилем. Последовала серия визитов израильских министров в Москву. В ходе встречи министров иностранных дел СССР и Израиля в Нью-Йорке в сентябре 1990 года было решено заменить консульские группы генконсульствами и тем самым поднять уровень двусторонних отношений. Представительства в Москве и Тель-Авиве были подняты до уровня генеральных консульств 3 января 1991 года. В марте 1991 года в Лондоне глава советского правительства Валентин Павлов встретился с тогдашним премьер-министром Израиля Ицхаком Шамиром. 1 октября 1991 года открылось прямое сообщение чартерными рейсами по маршруту Москва – Тель-Авив.

После первой иракской войны («Буря в пустыне») США вплотную приступили к подготовке мирной конференции, и усилия СССР в этом направлении послужили для них хорошим подспорьем. В ситуации, когда перспектива конференции становилась все реальнее, Израиль в мае 1991 года посетил тогдашний министр иностранных дел Александр Бессмертных. В середине октября 1991 года новоназначенный министр иностранных дел СССР Борис Панкин и госсекретарь США Джеймс Бейкер посетили Иерусалим, где объявили об открытии 30 октября в Мадриде мирной конференции. Здесь же 18 октября 1991 года Панкин заявил о полном восстановлении дипотношений с Израилем.

Для израильтян, впрочем, куда важнее была борьба не за дипотношения, а за свободную иммиграцию: когда в результате массового исхода конца 1980-х – начала 1990-х в Израиль из СССР за три года прибыло больше переселенцев, чем за все предшествующие сорок

⁵⁰ Цит. по: А.М. Васильев, «Россия на Ближнем и Среднем Востоке», стр. 305.

лет израильской государственности, вновь открытые в Москве и Тель-Авиве посольства воспринимались скорее как приятный «бонус» к главному успеху. При этом многие в Израиле испытывали чувство неподдельной радости в связи с восстановлением дипломатических отношений со страной, на исторической территории которой родились почти все первые президенты и премьер-министры еврейского государства: как известно, именно на территории Российской империи появились на свет Давид Бен-Гурион, Хаим Вейцман, Моше Шарет, Леви Эшколь, Голда Меир, Менахем Бегин и многие другие из тех, кого принято называть отцами-основателями Израиля.

Американский политолог Роберт Фридман в своей работе, посвященной российско-израильским отношениям в 1990-е годы, выделяет три основные причины заинтересованности России в развитии отношений с Израилем в то время⁵¹. Первая причина – экономическая: к 1996 году Израиль стал вторым по величине товарооборота российским торговым партнером на Ближнем Востоке после Турции. Израиль экспортировал в Россию как сельскохозяйственную продукцию, так и разработки в области высоких технологий. Вторая причина – дипломатическая. По-видимому, сильно переоценивая возможности произраильского лобби в США, отдельные российские руководители надеялись, поддерживая хорошие отношения с еврейским государством, улучшить свои позиции в глазах американской администрации. Корректные отношения с Израилем также позволяли России играть (или делать вид, что играет) роль коспонсора в арабско-израильском переговорном процессе, что, в свою очередь, позволяло президенту Б.Н. Ельцину демонстрировать своим внутренним противникам, националистам и коммунистам, что под его руководством Россия сохраняет статус державы в международной дипломатии. Третья причина лежит в сфере культурных связей. В 1990-е годы из России и других республик бывшего Советского Союза в Израиль переселились сотни тысяч людей, для которых русский был родным языком, вследствие чего российские книги, фильмы, спектакли и т. д. стали неотъемлемой частью культурной мозаики Иерусалима, Тель-Авива, Хайфы, Ашдода и других городов.

У Израиля в тот период были свои причины заинтересованности в развитии отношений с Россией. Во-первых, для Израиля было чрезвычайно важно поддерживать устойчивый поток иммиграции, переломившей тенденцию неуклонного увеличения доли арабов в населении страны. Во-вторых, израильские руководители надеялись в ходе прямых контактов с российскими руководителями предотвратить экспорт современного российского оружия своим ближневосточным врагам, таким, как Ливия, Сирия, Иран и Ирак. В-третьих, для Израиля имели немалую важность торговые отношения с Россией, которая поставляла в Израиль неграничные алмазы, металлы и древесину, а также продукты и товары, к которым привыкли выходцы из СССР/СНГ (бизнесмены из их среды наладили экспорт этих товаров в Израиль, от пельменей и красной икры до дисков и кассет популярных эстрадных исполнителей). В-четвертых, в Израиле надеялись, что дни, когда официальные представители Москвы в публичной сфере всегда и во всем солидаризируются с позициями арабских стран против Израиля, безвозвратно миновали, вследствие чего Россия повлияет прежде всего на Сирию с целью интенсификации политического диалога в направлении подписания мирного соглашения между нею и Израилем.

Официальные отношения России и Израиля поступательно развивались, сопровождаясь подписанием множества двусторонних соглашений. Договоры, которые заключались в разное время Москвой и Иерусалимом, в итоге охватили практически все важнейшие сферы двусторонних отношений: политику, экономику, сферу безопасности, транспорт и туризм.

Политический диалог между Россией и Израилем, в результате которого и были подписаны все двусторонние соглашения, развивался не только благодаря обменам делегациями

⁵¹ Robert O. Freedman, «Russia and Israel under Yeltsin» // *Israel Studies*, vol. 3, no. 1 (Spring 1998), pp. 140–169.

на высшем уровне (в конце апреля 1994 года, а затем в сентябре 1995 года Москву посетил тогдашний премьер-министр Израиля Ицхак Рабин, в марте 1997 года официальный визит в Россию нанес новый премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху, в конце января 2001 года с визитом в Россию прибыл занимавший в тот период пост президента Моше Кацав, а в апреле 2005 года Владимир Путин стал первым главой России, посетившим еврейское государство), а также регулярным рабочим контактам между главами государств, но и благодаря активной работе на уровне министерств и профильных ведомств.

Между Россией и Израилем был подписан целый ряд соглашений. Одним из первых двусторонних документов стал договор о воздушном сообщении, заключенный еще в 1993 году. Уже в следующем году за ним последовали соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве, договор о кооперации в области агропромышленного комплекса, соглашения о сотрудничестве в областях здравоохранения, образования и культуры, туризма, а также конвенция о предотвращении двойного налогообложения и уклонения от налогообложения. В 1995–1997 годах был подписан еще целый ряд соглашений: о сотрудничестве в области почтовой связи, об условиях деятельности культурных центров, о взаимной помощи в таможенных вопросах. Кроме того, Москва и Иерусалим подписали три договора, охватывающих сферу безопасности: соглашение по борьбе с преступностью, договор о специальных мерах по обеспечению безопасности гражданской авиации, а также меморандум о взаимопонимании по вопросам военного сотрудничества. Наконец, уже в начале 2000-х годов Россия и Израиль заключили соглашения о процедуре выдачи дипломатических паспортов (2002) и сотрудничестве в области морского транспорта (2003)⁵².

О российско-израильских отношениях в 1990 – 2000-е годы написано на удивление немного, и сравнительно небольшой по объему аналитический доклад Владимира (Зеэва) Ханина, подготовленный им для Института Ближнего Востока в сентябре 2009 года, – один из лучших материалов по данной тематике. Имеет смысл процитировать ключевые положения этого документа:

«Помимо того что любая страна, претендующая на статус великой державы, вынуждена в той или иной мере присутствовать на Ближнем Востоке, российские интересы в регионе включают еще три основных компонента: во-первых, массированную интервенцию российских компаний в сферу добычи и переработки нефти и газа, равно как и в систему транспортировки углеводородов арабо-мусульманских стран. Во-вторых, расширение и диверсификацию контрактов на поставки местным режимам российских вооружений. (Оба этих компонента среди прочего должны были обеспечить «живую валюту» для российского ВПК и амбициозных программ модернизации экономики.) Третьей целью являются усилия по делегитимизации в глазах «умеренного» исламского мира чеченских сепаратистов и минимизации их поддержки со стороны арабских стран.

Эта активная линия Москвы на Ближнем Востоке, ставшая региональным отражением российских геополитических и экономических интересов в первом десятилетии XXI века, и особенно начиная со второй каденции президента В.В. Путина, для экспертного сообщества отнюдь не стала сюрпризом. Еще в середине 1990-х годов многие аналитики были уверены, что возвращение России на Ближний Восток – вопрос времени.

Тем не менее многие должностные лица, участвующие в формировании внешнеполитического курса Израиля, долгое время игнорировали эти тенденции – тем более что формальное присутствие России в сфере непосредственных израильских интересов в регионе ограничивалось ее ролью «коспонсора ближневосточного мирного процесса», каковое было такой же фикцией, как и сам мирный процесс. При том что с момента установления дипломатических отношений между двумя странами политический диалог шел на самом высо-

⁵² См.: Александр Крылов, *«Соотечественники в Израиле»* (Москва: МГИМО – Университет, 2005), стр. 44.

ком уровне, интересы израильского руководства на российском направлении ограничивались укреплением связей с российскими евреями и поощрением их репатриации в Израиль, импортом энергоносителей и действиями (впрочем, достаточно вялыми) по дипломатическому обеспечению активности израильских бизнесменов на российском рынке. Визиты высших израильских официальных лиц в Россию и иные встречи на высоком уровне носили весьма бессистемный характер и, по сути, ограничивались тремя целями:

- срочно погасить внезапно возникший кризис во взаимоотношениях (как, например, вояж Б. Нетаньяху, который в 1997 году попробовал «наскоком» сорвать реализацию российско-иранского ядерного контракта);
- представить в Кремле уже согласованную с США, Евросоюзом и арабскими партнерами по переговорам очередную региональную инициативу;
- в погоне за голосами русскоязычных израильтян «покрасоваться» на экранах принимаемых в Израиле российских телеканалов накануне очередных выборов.

Справедливости ради отметим, что в контексте российских ближневосточных интересов израильский трек, по сравнению с иранским, сирийским и даже североафриканским направлением, также долгое время был сравнительно периферийным. Лишь в самое последнее время наметилось резкое возрастание интереса российской стороны к осуществлению в Израиле проектов в сфере инвестиций, инфраструктуры и транспорта, а также сотрудничеству в сфере высоких (особенно военных, космических и нано-) технологий⁵³.

Учитывая, что на протяжении многих десятилетий основным требованием израильской стороны по отношению к СССР было требование свободной еврейской эмиграции, можно было предположить, что с момента снятия ограничений на выезд для евреев (это случилось, как известно, в конце 1980-х) отношения между двумя странами будут идиллическими. Этого, однако, не случилось.

В 1990-е – в первой половине 2000-х годов отношения между двумя странами были далеки от идеальных. На то были среди других и личные причины. За годы своего президентства Борис Ельцин ни разу не побывал в Израиле; первое посещение им Святой земли состоялось спустя считанные дни после отставки, в начале января 2000 года. В конце апреля 1992 года Израиль посетил вице-президент России Александр Руцкой, тогда еще – союзник Б.Н. Ельцина, и этот визит – первое посещение Израиля российским политиком столь высокого ранга – прошел очень успешно. В начале января 1993 года в рамках деловой поездки на Ближний Восток Израиль посетил спикер российского парламента Руслан Хасбулатов, встретившийся со всеми высшими руководителями еврейского государства. Однако в том же году пути Б.Н. Ельцина, с одной стороны, и А.В. Руцкого и Р.И. Хасбулатова – с другой, фатальным образом разошлись, двое последних потеряли и посты, и политическое влияние, вследствие чего договоренности, достигнутые с ними их израильскими собеседниками, естественно, не имели дальнейшего развития. «За “мои” пять с половиной лет не удалось реализовать ни один крупный российско-израильский проект», – признавал первый российский посол в Израиле, Александр Бовин, в своих мемуарных записках⁵⁴.

В середине 1990-х отношения двух стран ухудшились. На то были разные причины. С одной стороны, когда в январе 1996 года министром иностранных дел, а позднее главой правительства России стал Е.М. Примаков, которого в Израиле считали политиком откровенно враждебным, многие в Израиле восприняли это как возвращение России к внешнеполитическому курсу времен «холодной войны». С другой стороны, очень существенное влияние на отношение израильского политического истеблишмента и руководителей силовых структур

⁵³ Владимир (Зеэв) Ханин, «Израиль и Россия: новые возможности, старые проблемы?» Аналитический доклад (Москва: Институт Ближнего Востока, 14 сентября 2009 г.), <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/14-09-09b.htm>.

⁵⁴ См.: Александр Бовин, «5 лет среди евреев и мидовцев», стр. 117.

к России оказывало российско-иранское военно-техническое сотрудничество. В Израиле не осознавали, что российская политика на Ближнем Востоке, даже когда она в тех или иных своих компонентах напоминает политику Советского Союза, – принципиально иная по сути своей. Наилучшим образом, на наш взгляд, эту специфику отразил Е.Я. Сатановский в своей статье «Израиль и Россия: некоторые соображения о текущем состоянии отношений», опубликованной в Израиле в 2005 году:

«Ответ на вопрос, хочет ли Россия стать СССР на Ближнем Востоке – отрицательный. Возвращаться в эпоху миллиардных безвозвратных кредитов и участия в чужих войнах означает рисковать последним, что осталось от Российской империи и СССР – самой Россией. Никакие амбиции того не стоят. С другой стороны, теоретические морально-политические соображения не заставят сегодняшний российский бизнес, в том числе предприятия ВПК и производителей оборудования для ядерной энергетики, отказаться от контрактов, если только те не запрещены напрямую высшим руководством. В российском истеблишменте доминирует мнение, что внешнее давление на Россию в этой области относится к сфере не безопасности, а конкуренции, и уход отечественных производителей с ближневосточных рынков приведет не к сворачиванию программ, по которым идет сотрудничество с Москвой, а к замещению российских структур французскими, немецкими или китайскими. <...> Иран для России – сосед и партнер, а не потенциальный противник, Сирия – потенциальный деловой партнер, имеющий опыт сотрудничества. Именно так к ним и относятся»⁵⁵.

«После убийства Рабина отношения с Россией ухудшились, – признает многолетний глава Бюро по связям с евреями Восточной Европы при канцелярии премьер-министра Израиля Яков Кедми. – Это произошло по инициативе Израиля. На премьер-министра Б. Нетаньяху оказывало сильное давление разведывательное сообщество, которое по невежественности и неграмотности утверждало, что именно Россия дает Ирану возможность создать ядерное и ракетное оружие. Кроме того, Б. Нетаньяху считал, что все, что ему надо от России, он добьется в Вашингтоне, и потому на Москву нечего тратить время. Хотя на конфронтацию он все же не шел и дважды посетил Москву, хотя толку от этих визитов было мало, скорее наоборот. Он много обещал, ничего не выполнял, и многих разочаровал. <...> В последующие годы отношения между странами продолжались в стиле “вялотекущей шизофрении”. Были встречи, контакты, разговоры, были взаимные комплименты, но практических и реальных сдвигов не было»⁵⁶.

Процессы ухудшения на российско-израильском направлении шли параллельно негативным процессам в отношениях России и США. Отношения двух держав продолжали ухудшаться после прихода к власти в начале 2000 года их новых президентов: В.В. Путина и Дж. Буша-мл., и в этом контексте, учитывая очевидно проамериканскую политику израильских правительств в то время, буксовали и российско-израильские отношения. «В последнее время в отношениях между нашими странами все чаще присутствуют скандалы и проблемы», – справедливо замечал корреспондент ведущей российской газеты «Коммерсант», интервьюировавший посла Израиля в России Анну Азари сразу после вручения ею верительных грамот в ноябре 2006 года⁵⁷. «Как вы оцениваете нынешнее состояние российско-израильских отношений?» – спросил в октябре 2006 года корреспондент газеты «Время новостей» одного из патриархов советской и российской дипломатии, многолетнего посла в Индии, Франции, Афганистане, США и ООН Юлия Воронцова. «Я бы сказал, что они нормализовались. Но и не особенно улучшились – ведь все основные “раздражители” остались,

⁵⁵ Евгений Сатановский, «Израиль и Россия: некоторые соображения о текущем состоянии отношений» (часть первая) // «Вести» (Израиль), 16 июня 2005 г.

⁵⁶ Интервью Якова Кедми Александру Гольденштейну // портал *IzRus* (Израиль), 6 сентября 2010 г., <http://izrus.co.il/history/article/2010-09-06/11611.html>.

⁵⁷ См.: Александр Реутов, «Реальная картина лучше, чем ее рисует пресса» // «Коммерсант», 16 ноября 2006 г.

прежде всего палестинская проблема. Бомбежки Ливана минувшим летом тоже не пошли на пользу нашим отношениям», – с удивительной для столь опытного дипломата откровенностью признал Ю.М. Воронцов⁵⁸.

Ситуация оставалась практически неизменной: Израиль не ориентировался в своей внешней политике на Россию, а почти исключительно на США, коспонсорская роль России в ближневосточном урегулировании была такой же фикцией, как и само это урегулирование, никто в Израиле к этой чисто декларативной роли России всерьез не относился. Так, посол А.Е. Бовин рассказывал, что, даже принимая первых лиц российского МИДа, премьер-министр Израиля И. Рабин «впрок толковал о том, как важно России не портить отношения с Америкой, согласовывать с нею свои коспонсорские шаги»⁵⁹. Представляется, что всю гамму существовавших между политическими элитами двух государств противоречий можно в несколько упрощенной форме свести к шести основным проблемам, из которых три больше волновали представителей Израиля, две – России, а одна (наиболее расплывчатая, впрочем) была общей для представителей истеблишмента двух стран.

Во-первых, в Израиле не могли понять и принять тот факт, что Россия не только не включила «Хизбаллу» и ХАМАС в список террористических организаций⁶⁰ (в США и Канаде, например, обе эти организации в такие списки включены), но и дважды – в марте 2006 года и в начале марта 2007 года – принимала делегацию лидеров ХАМАСа на очень высоком уровне. Оба раза делегацию возглавлял Халед Машаль – злейший враг еврейского государства, переживший в 1997 году неудачную попытку покушения со стороны «Моссада», – и это, естественно, в Израиле никто не воспринял положительно. В феврале 2006 года министр обороны Сергей Иванов отметил, что рано или поздно всему мировому сообществу придется начать диалог с ХАМАСом. «Многих, если не сказать подавляющее большинство государств мира, не устраивают некоторые аспекты идеологии движения ХАМАС. Но рано или поздно многие начнут поддерживать контакты с ХАМАСом хотя бы для того, чтобы не через журналистов, не через мегафон, а в спокойной обстановке разъяснить руководству этого движения, как то или иное государство относится к урегулированию ближневосточной проблемы», – сказал министр обороны⁶¹. Министр иностранных дел Сергей Лавров подчеркнул, что «в условиях, когда это движение победило на палестинских выборах, признанных всеми как свободные и демократические, политика международного сообщества в ближневосточном урегулировании без инициатив, подобных российской, рискует зайти в тупик, а решения квартета международных посредников – остаться на бумаге»⁶². С одной стороны, приглашение лидеров ХАМАСа в российскую столицу было попыткой утвердить свою, более независимую роль на Ближнем Востоке, с другой – в случае успеха этой миссии перед Москвой открывались перспективы укрепления своего влияния среди палестинцев и в арабских странах в целом; Россией могло двигать и желание стать более важным партнером для Израиля и повысить свой имидж в его глазах (что стало бы возможным, если бы России удалось бы убедить ХАМАС признать еврейское государство)⁶³. При этом израильское руководство выражало крайнюю озабоченность этим шагом, называя

⁵⁸ «Встретились, разговорились и тут же поругались». Интервью Александра Самохоткина с Юлием Воронцовым // «Время новостей», 18 октября 2006 г.

⁵⁹ Александр Бовин, «5 лет среди евреев и мидовцев», стр. 284.

⁶⁰ См.: Список организаций, признанных Верховным судом Российской Федерации террористическими, деятельность которых запрещена на территории России // «Российская газета», 28 июля 2006 г.

⁶¹ «С. Иванов: рано или поздно всему мировому сообществу придется налаживать контакты с движением ХАМАС» // Сообщения информационных агентств, 10 февраля 2006 г., <http://www.finmarket.ru/z/wns/news.asp?id=458049&hot=464867>

⁶² Сергей Лавров, «Подъем Азии и восточный вектор внешней политики России» // «Россия в глобальной политике», № 2 (март – апрель 2006 г.), стр. 129–143.

⁶³ Mark Smith, «The Russia-Hamas Dialogue, and the Israeli Parliamentary Elections». Research report (Defence Academy of the United Kingdom, Conflict Studies Research Centre, June 2006), p. 1.

идею Москвы ошибочной. Будучи в Москве в июле 2006 года, тогдашняя министр иностранных дел Израиля Ципи Ливни жестко отмечала: «Израиль не заинтересован в переговорах с ХАМАСом и не ищет для этого посредников. Израиль не ведет переговоры с террористами. Россия, наверное, это прекрасно может понять»⁶⁴.

Второй визит делегации ХАМАСа в Москву в Израиле не могли принять даже самые большие друзья России. Если в марте 2006 года, спустя два месяца после победы ХАМАСа на выборах в Законодательное собрание ПНА, еще могла быть надежда, что российская дипломатия может способствовать смягчению непримиримой позиции исламских радикалов в отношении Государства Израиль, то в марте 2007 года таких надежд уже не питал никто. Российские дипломаты обусловили согласие президента В.В. Путина на встречу с делегацией ХАМАСа публичной декларацией последних о согласии с легитимностью существования еврейского государства или о готовности признать соглашения, заключенные между ООП (а затем – ПНА) и Израилем. Халед Машаль и его соратники предпочли отказаться от встречи с В.В. Путиным, не отступив ни в чем от своей непримиримой позиции. Однако ни усилия заместителя министра иностранных дел России Александра Салтанова, ни переговоры с министром Сергеем Лавровым не смогли убедить лидера ХАМАСа сделать шаг навстречу России. «Если положение одного израильского солдата представляет собой такое давление на израильское руководство и на весь Израиль, то палестинский народ страдает еще больше от наличия одиннадцати тысяч заключенных в израильских тюрьмах», – упрямо отметил Халед Машаль. Как верно отметил обозреватель газеты «Коммерсант» Александр Реутов, «в итоге России снова не удалось продемонстрировать Западу, зачем нужен “диалог с террористами”»⁶⁵. Оба визита в Москву представителей ХАМАСа не привели ни к каким сдвигам в ближневосточном переговорном процессе, повлияв, причем негативно, на отношения Израиля с Россией в значительно большей мере, чем на отношения Израиля с ПНА.

В Москве рассчитывали добиться определенных дивидендов, ведя конструктивный диалог со всеми вовлеченными в конфликт сторонами. В частности, сразу после встреч с Халедом Машалем российские руководители принимали одного из самых непримиримых израильских политиков Авигдора Либермана. Результатом, однако, стала новая порция критики, в том числе и лично в адрес А. Либермана. Вот что, например, писал по этому поводу израильский обозреватель Марк Галесник:

«Либерман отправился в Москву и оттуда оповестил мир, что Россия и Израиль находятся по одну сторону баррикад. Что, видимо, и является главным стратегическим достижением министра, ввиду отсутствия даже намека на какие-либо другие. Триумф стратега подпортило только то, что стул, с которого Либерман сообщал о своих достижениях, еще не остыл от задницы главара (извините за случайный оксюморон) ХАМАСа Халеда Машаля, который накануне сообщал из Москвы примерно то же самое. Примечательно и то, что буквально на следующий день после речи Либермана на баррикадах было объявлено о продаже Сирии нового, ультрасовременного российского оружия. Каким образом это оружие, нацеленное на наши танки и самолеты, сочетается с пребыванием России и Израиля по одну сторону баррикад, совершенно необъяснимо. Для российских властей визит Либермана в Москву прошел с успехом мероприятия “два по цене одного” – он не только легитимизировал кремлевско-хамасовские связи, но и оптимизировал российско-сирийские. Для Израиля этот визит стал достойным завершением 100-дневного конфуза под названием “новая национальная стратегия”»⁶⁶.

⁶⁴ «Россия имеет рычаги влияния». Интервью Елены Супониной с Ципи Ливни // *«Время новостей»*, 4 июля 2006 г.

⁶⁵ Александр Реутов, «Лидеру ХАМАСа отказали от Кремля» // *«Коммерсант»*, 29 февраля 2007 г.

⁶⁶ Марк Галесник, «100 дней Авигдора Либермана» // *«Еврейский журнал»*, 12 марта 2007 г., <http://www.jjew.ru/>

Во-вторых, в Израиле относятся крайне негативно к военно-техническому сотрудничеству России с Ираном и Сирией – двумя наиболее антиизраильски настроенными странами в регионе. В Израиле не верят, что контракты на поставку современных ракетно-зенитных комплексов, самолетов и других видов вооружения с этими странами заключаются Россией, исключительно исходя из финансовых соображений, так как миллиардный контракт с Сирией был подписан одновременно с объявлением о списании этой стране девятимиллиардного внешнего долга. Если бы Россию интересовали прежде всего деньги, рассуждают в Израиле, ей стоило бы добиваться возврата хотя бы части долга, а не обещать новые поставки стране, которая так и не расплатилась за старые. Сотрудничество России с Сирией и Ираном воспринимается в Израиле как индикатор стремления России вернуть утраченные позиции великой державы в ближневосточной политике, достигая этой цели путем возвращения к системе отношений, существовавших в советский период накануне перестройки. «Что вы хотите? Все они вышли из приматовской шинели...» – говорили в Израиле, потрясая изданной в августе 2006 года книгой Е.М. Примакова «Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами», в которой об израильской военной операции против «Хизбаллы» говорилось как о «кровавой войне израильской военщины в Ливане»⁶⁷. Тот факт, что Россия сама содействовала развитию ядерной программы Ирана, а также играла значимую роль в блокировании американских попыток добиться изоляции рвущегося к обладанию ядерным оружием Тегерана на международной арене, виделся многим зримым и недвусмысленным доказательством антиизраильской политики российского руководства.

Вышеупомянутую Вторую Ливанскую войну справедливо выделить как третий фактор, беспокоивший израильскую сторону. Трудно сказать, что больше раздражало израильское руководство и общество: то, что «Хизбалла» обстреливала территорию Израиля оружием российского производства или же что российские руководители отказывались признать этот факт, публично утверждая обратное. Тогдашний министр обороны Израиля Амир Перец и министр внутренней безопасности Ави Дихтер заявили о том, что израильская бронетехника была уничтожена современными противотанковыми комплексами российского производства: речь шла о массовом применении в боях ручных противотанковых гранатометов РПГ-29 («Вампир»), которые Россия продала Сирии, откуда они и попали в руки «Хизбаллы». Российский МИД устами своего официального представителя Михаила Камынина опроверг эти сообщения, назвав их «инсинуациями», которые «вызывают по меньшей мере недоумение»⁶⁸. В середине августа премьер-министр Израиля Эхуд Ольмерт позвонил президенту РФ Владимиру Путину и сообщил ему о том, что шиитская группировка использует против израильтян современное противотанковое оружие российского производства, полученное боевиками от Сирии. Речь, в частности, шла о 105-миллиметровых противотанковых гранатометах многоцелевого применения РПГ-29 «Вампир» и противотанковых управляемых ракетах «Корнет». По словам израильского премьера, Дамаск передал это оружие «Хизбалле», несмотря на многократные заверения Москвы в том, что оно не окажется в руках боевиков. Э. Ольмерт призвал В.В. Путина разобраться в ситуации, чтобы исключить повторения подобных инцидентов в будущем. В ответ В.В. Путин попросил представить доказательства, подтверждающие факт передачи сирийцами оружия «Хизбалле». 18 августа в Москву спешно прибыла делегация во главе с заместителем генерального директора МИДа Израиля Марком Софером. Привезенные ею доказательства были с израильской точки зрения исчерпывающими. Оказалось, что в ходе наземной операции на юге Ливана израильтя-

index.php?cnt=6362

⁶⁷ Евгений Примаков, «Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами» (Москва: «Российская газета», 2006), стр. 353.

⁶⁸ См.: Игорь Плугатарев, «Израильские танки напоролись на российское оружие» // «Независимая газета», 15 августа 2006 г.

нам удалось захватить ящики с российским противотанковым оружием, в которых находились накладные, указывающие на его происхождение: гранатометы и ракеты были совсем недавно поставлены Россией Сирии⁶⁹. Однако спустя неделю министр обороны России Сергей Иванов опроверг и заявления Израиля о наличии у «Хизбаллы» российских противотанковых комплексов «Корнет». «Сообщение о том, что “Хизбалла” имеет на вооружении российские противотанковые комплексы “Корнет”, – полная чушь. Никаких доказательств о наличии у “Хизбаллы” этих комплексов нам никто не представил», – сказал глава российского оборонного ведомства⁷⁰. Визит Эхуда Ольмерта в Москву спустя два месяца после окончания войны не привел к исчезновению противоречий в этой сфере.

Перечитывая израильскую прессу июля – августа 2006 года, трудно отделаться от ощущения, что отношения еврейского государства с Россией вернулись к худшим дням «холодной войны»: Российская Федерация позиционировалась едва ли не как враждебное государство. Такой подход едва ли можно считать конструктивным: Россия не имела никакого отношения к провокации «Хизбаллы», 12 июля 2006 года совершившей нападение на израильскую заставу (восемь солдат ЦАХАЛа погибли, еще двое, как оказалось позднее, также погибли, но их тела были захвачены в плен, и об их судьбе более двух лет не было никакой информации), из-за чего, собственно, и началась вторая израильско-ливанская война. Не виновата Российская Федерация и в том, что, вопреки ожиданиям, израильские силы не смогли выиграть эту войну, а политическое руководство страны согласилось прекратить боевые действия тогда, когда ни одна из обозначенных премьер-министром Э. Ольмертом целей войны не была достигнута: пленные солдаты остались в плену (их тела были возвращены Израилю по соглашению с «Хизбаллой» в обмен на пятерых боевиков, находившихся в израильских тюрьмах, и тела двухсот погибших бойцов «Хизбаллы»⁷¹); «Хизбалла» не была разоружена; гарантии безопасности северных границ Израиля остались достаточно иллюзорными. Да, «Хизбалла» воевала оружием российского производства и что с того? Арабские армии и в Шестидневной войне 1967 года, и в Октябрьской войне 1973 года (известной в Израиле как Война Судного дня) воевали советским оружием, что, однако, не предотвратило их разгром ни в первом, ни во втором случае. Если в 2006 году боевые действия разворачивались по совершенно другому сценарию и Израиль не сумел добиться ни военной, ни дипломатической победы, не Россия виновата в этом.

Среди тех претензий, которые выдвигало по отношению к Израилю российское руководство, выделялись две проблемы: вопрос о российской собственности в Иерусалиме, во-первых, и вопрос о пребывании в Израиле отдельных лиц, выдачи которых добиваются российские правоохранительные органы, во-вторых. Вопрос о собственности виделся российским руководителям как яркий пример сознательного уклонения израильтян от взятых на себя обязательств. Не отрицая в целом правомерность российских притязаний на Сергиевское подворье и некоторые другие объекты в Иерусалиме, израильтяне на протяжении многих лет давали крайне расплывчатые и неконкретные обязательства относительно их передачи российской стороне. Этот вопрос обсуждался едва ли не на всех встречах высших руководителей двух стран, однако долгое время вопрос не сдвигался с мертвой точки.

Проблема нахождения в Израиле бизнесменов, связанных с компанией «Юкос», является куда более новой, но от того не менее сложной. Генпрокуратура России добивается выдачи Израилем Леонида Невзлина – бывшего члена Совета Федерации, второго пре-

⁶⁹ Григорий Асмолов и Александр Реутов, «Накладная вышла. Россия не признала оружие «Хизбаллы» своим» // «Коммерсант», 8 сентября 2006 г.

⁷⁰ См.: «Иванов призвал Израиль к осторожности» // Портал ПИР-Центра, 25 августа 2006 г., <http://www.pircenter.org/index.php?id=1248&news=2287>.

⁷¹ См.: Захар Гельман, «Обмен на вершине. Израиль вернул на родину тела своих солдат» // «Российская газета», 17 июля 2008 г.

зидента Российского еврейского конгресса, одного из высших руководителей компании «Юкос» и ближайшего соратника ее осужденного экс-руководителя М.Б. Ходорковского. Израиль несколько раз выдавал своих граждан России по запросу ее правоохранительных органов. 11 июня 2002 года в Россию был экстрадирован 32-летний на тот момент Андрей Журавлев, который в 1999 году выехал из России в Израиль, где получил гражданство. 24 января 2003 года израильские власти выдали российской стороне Геннадия Ягудаева, находившегося в федеральном розыске за ряд преступлений и приговоренного московским судом к 13 годам лишения свободы в 1984 году, а затем сбежавшего из мест заключения (в 1996 году Г. Ягудаев по поддельным документам на имя Хизгила Пейсахова получил гражданство Израиля). Иными словами, сослаться на то, что Израиль *a priori* не выдает своих граждан или что он не выдает их России, невозможно. Однако в Израиле Л.Б. Невзлин не только получил гражданство, но и быстро добился заметного общественного положения, возглавив, в частности, попечительский совет Музея Диаспоры, выделив деньги на создание небольшого исследовательского центра в Еврейском университете в Иерусалиме, которому было сразу же присвоено его имя и так далее. Эта ситуация крайне раздражает российское руководство, видящее в статусе, который приобрел Л.Б. Невзлин, свидетельство грубого пренебрежения Израилем обращений правоохранительных органов, в том числе и по официальным каналам Интерпола.

Шестая – и последняя – проблема, которую представляется уместным выделить, касается сложностей взаимодействия официальных структур двух государств, вызванных взаимным недоверием. Примеров здесь можно привести немало, причем как с той, так и с другой стороны. Описывая многочисленные российско-израильские соглашения, подписанные в ходе первого визита в Москву в апреле 1994 года премьер-министра Израиля Ицхака Рабина, посол А.Е. Бовин справедливо с горечью отмечал: «Это была солидная правовая база для сотрудничества. Но, кроме базы, необходимы еще желание и воля. Тут был дефицит с обеих сторон. Не до этого им было»⁷².

⁷² См.: Александр Бовин, «5 лет среди евреев и мидовцев», стр. 296.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.